

Алексей и Ольга Ракитины *Убийство на Знаменской*

Серия «Невыдуманные истории на ночь»

Невыдуманные истории на ночь

Алексей и Ольга Ракитины
Убийство на Знаменской

«Издательские решения»

Ракитины А.

Убийство на Знаменской / А. Ракитины — «Издательские решения», — (Невыдуманные истории на ночь)

ISBN 978-5-44-856871-8

Сюжет романа основан на реальных событиях — убийстве в августе 1885 г. в самом центре столицы, в гостинце «Знаменская», неизвестного мужчины. Преступление без очевидного мотива, произошедшее при весьма загадочных обстоятельствах, стало широко известно и вызвало немалый переполох среди обывателей. Вместе с героями романа — частным сыщиком Шумиловым и чинами Сыскной полиции — читатель пройдет все зигзаги расследования, каждый шаг которого переворачивал картину случившегося с ног на голову.

ISBN 978-5-44-856871-8

© Ракитины А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	20
3	33
4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Убийство на Знаменской

Серия «Невыдуманные истории на ночь»

Алексей и Ольга Ракитины

© Алексей и Ольга Ракитины, 2017

ISBN 978-5-4485-6871-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Июль и август 1885 года выдались в Петербурге на редкость прохладными. Всё лето стояла слякотная погода, через день лили дожди, подтверждая репутацию Петербурга как самой мокрой столицы Европы. Было сыро, по-северному прохладно и ветрено. Неласковое солнце показывалось редко, скупно отмеряя небольшими порциями тепло. В такие редкие минуты начинали ослепительно сиять купола соборов и церквей, новая жесть на крышах, и это раздражающее бликование обманывало надежды на тепло и казалось издёвкой над самим понятием «лета». Потом опять заряжал унылый холодный дождь, убаюкивающе шуршавший по крышам домов и быстро прогонявший из садов и парков нарядную публику. И мир опять надолго становился мокрым и неудобным.

Горожане жили обычной жизнью – кому позволяли средства и время, уезжали в свои имения, на европейские курорты или, на худой конец, на загородные дачи. Остальные пытались ухватить кусочек лета здесь же, в петербургских парках и садах: отправлялись в выходные на Острова, где можно было покататься на лодке, полюбоваться на умытое дождём звездное небо, посидеть в уютных открытых ресторанчиках с девицами или без таковых – как кому больше нравится. Все городские увеселительные заведения – многочисленные кафе, рестораны, чайные, театры, кафе-шантанные кабаре и прочие места – в это дождливое лето никак не могли пожаловаться на недостаток посетителей. А куда ещё было податься человеку, если с самого утра над его головой разверзнутся хляби небесные?

Утро 7 августа для Алексея Полозова, коридорного дежурного громадной гостиницы «Знаменская», расположившейся в самом центре столицы, на пересечении Невского и Лиговского проспектов, на Знаменской площади, не сулило ничего необычного. Вверенный его ночному попечению второй этаж левого крыла здания жил привычной жизнью, ночью даже куда более насыщенной, чем днём. Приходили и уходили посетители, бесшумно скользили по ковровым дорожкам, специально уложенным, дабы не тревожить постояльцев звуками шагов, горничные с комплектами белья; то и дело из шикарного ресторана, расположенного здесь же, в гостинице, официант в ослепительно белом кителе вывозил на специальной золотёной тележке вино, фрукты, сладости, а иной раз – и полный завтрак, безукоризненно сервированный на молочно-белом фарфоре. В таких условиях о сне, даже украдкой, в нарушение всех правил, нечего было и помышлять. Но Алексей, работавший здесь восемнадцатый год, уже ко всему привык и не тяготился подобным положением дел. Он не променял бы свою маленькую должность ни на какую другую – даже в более тихом месте, с возможностью нормально спать в своей постели с вечера и до утра.

Много лет назад он начинал мальчиком, выносившим кухонные помои из ресторана, и чтобы выслужиться в коридорные, ему пришлось пройти тернистый путь и даже дать немалую взятку помощнику управляющего, который своевременно порекомендовал его на это место. Что и говорить – работа была уважительная, чистая, «в тепле и добре», как говорила матушка. Самое главное, труд коридорного давал, при известной ловкости, возможность получать очень неплохие чаевые.

Вся хитрость состояла в том, что гостиница эта была местом в своём роде необычным. На самом деле это был громадный, размером с целый городской квартал, дом свиданий. На нарушения общественной нравственности в центре города власти закрывали глаза, поскольку гостиница эта принадлежала одному из влиятельнейших людей Империи, барону Фредериксу. Номера – от дешёвых до самых дорогих – сдавались парочкам, ищущим уединения для непродолжительного интимного общения. Потому оплата за них была почасовой, и именно поэтому среди посетителей не бывало одиночек или обычных приезжих, которым нужно было пристанище на время пребывания в столице. При такой постановке дела за сутки

в одном и том же номере могло пребывать до десятка постояльцев – знай только успевай менять постельное белье, выносить пустую посуду да проветривать помещение. Многие клиенты желали бы сохранить инкогнито, поэтому, дохода ради, документы у постояльцев не спрашивали: знай себе плати за почасовой наём номера – и делай, что хочешь, и ни тебе вопросов, ни назойливого любопытства, ни опасности разглашения. Хотя столь безалаберное отношение к регистрации и почиталось формальным нарушением полицейских требований, однако, все заинтересованные стороны – и полиция в первую очередь – закрывали на это глаза: уж больно доходен был прелюбодейский промысел!

Многие клиенты, желая показаться в глазах своих дам людьми солидными и денежными, щедро давали на чай. Порой бросались деньгами без счёта. Такого рода доходы, несмотря на свою случайность и нерегулярность, по большей части значительно перекрывали официальный заработок Алексея. Но объективности ради следовало признать, что не только шальные деньги нравились Алексею Полозову: сама работа была весьма интересной и неординарной. Она давала ощущение прикосновенности к чужим тайнам и пищу для любопытнейших наблюдений самого разного рода. В свои неполные тридцать восемь лет Алексей был уже выдавшим виды «тертым калачом», тонким психологом и знатоком человеческих пороков. Был он невысок, коренаст, крепок, на висках всюду блестела седина. Выглядел Полозов старше своих лет, держался солидно, с достоинством, одевался под стать чиновнику средней руки или купцу второй гильдии, знал толк в крахмальных сорочках и одеколوناх. Обычно на работе Алексей одевался в добротный, неброской расцветки мягкий шевиотовый пиджак, под которым красовался неизменный атласный, с толстой золотой цепью поперёк живота, жилет. Наглаженная одежда была слабостью Полозова, он не жалел денег на прачку, но эти затраты сторицей окупались тем ощущением уверенности и самодостаточности, которое он испытывал, рассматривая себя в зеркале.

В 8 часов 40 минут утра Полозов прошёл по коридору, намереваясь поторопить тех посетителей, чьё оплаченное время заканчивалось в 9.00. Это был своего рода ритуал, обычай, о котором предупреждали всех новых клиентов: за двадцать минут до истечения вашего времени коридорный постучит вам в дверь. Утром седьмого августа у Полозова на этаже таких клиентов было две пары: одна, пришедшая в 6 часов, занимала номер пятый, другая, заплатившая за целую ночь, помещалась в третьем номере. Последние, вероятно, уснули.

На вверенном Алексею Полозову участке коридора второго этажа номера считались дорогими, стоили они по пять рублей за первые три часа. Конечно, иные пары обходились куда меньшим временем, но всё равно они должны были платить положенную пятёрку, поскольку это была наименьшая ставка. Каждый следующий час оплачивался уже двумя рублями. Если же пара приходила до одиннадцати часов вечера и оставалась до девяти утра, то это удовольствие обходилось ей в двадцать рублей. Недёшево, конечно, но за эти деньги любовники получали большие, чистые, тёплые номера, обставленные удобно и даже с известной долей шика. Номера были просторные, с альковами, лепниной по потолкам, огромными зеркалами и коврами.

Деликатно постучав в третий номер, Алексей прошёл было мимо, однако, тишина за дверью его смутила, и он вернулся. По заведённому порядку клиент не должен был открывать дверь коридорному, но обязан был отозваться на его стук хотя бы односложной фразой: «да», «иду», «помню», «заканчиваю», как угодно. Если же клиент не отзывался на стук, то это могло указывать на какое-то неблагополучие в номере: клиент пьян, клиенту сделалось плохо, наконец, клиент уже покинул номер, не поставив коридорного в известность. Последнее являлось грубейшим нарушением гостиничных правил, за которое персонал всегда получал строжайшее взыскание управляющего.

Полозов вторично постучал в дверь, громко, с вызовом, по-хозяйски. В номере царила тишина. Алексей не то чтобы испугался или заволновался – нет, просто испытал вполне понят-

ное раздражение: ему вот-вот предстояло сдавать смену, а у него в номере задерживается клиент, скорее всего невменяемо пьяный. Тривиальность ситуации не делала её менее неприятной.

Воткнув в дырку замка мастер-ключ, открывавший все двери на этаже, Алексей нарочито громко загремел им, после чего открыл дверь и остановился на пороге.

– Прошу прощения, господа! – сказал в пространство за дверью и прислушался.

В номере стояла полнейшая тишина. Кровать не заскрипела, ноги не зашаркали... Полозов вошёл и громко, однако, со всею возможной учтивостью в голосе, проговорил:

– Осмелюсь напомнить господам, что уже почти без четверти девять утра...

Никакой реакции. Обычно в подобных ситуациях тут же раздавались осипшие спросонья мужские и женские голоса, иногда взволнованные, иногда ёрничающие, и люди заплетавшимися языками начинали охать и изумляться, что уже утро, и как же это они так проспали... Но не в этот раз.

Весь номер представлял собой большую, лишь немногим менее десяти квадратных саженной комнату, разделенную глухими портьерами на три части: прихожую, гостиную с мягкой мебелью и альков с кроватью. Со своей позиции возле двери Полозов мог видеть разбросанные тут и сям в гостиной детали мужской одежды, стало быть, клиент не сбежал из номера. А потому Алексей возвысил голос и ещё раз учтиво окликнул посетителей:

– Господа, доброе утро...

Коридорный сделал два шага и осторожно отодвинул тяжелую плюшевую портьеру, отделявшую прихожую от гостиной, дабы получше видеть обстановку. Из-за другой полузадернутой шторы, отделявшей альков от гостиной, виднелась часть кровати, а на ней ноги мужчины. Ноги не шевелились, что было весьма нехорошим признаком. Последний раз, когда оказалось, что клиенты пьяны до бесчувствия, их пришлось на руках выносить в каморку швейцара, где они отсыпались до глубокого вечера. Та ещё была морока! Да и уборка номера после их «художеств» заняла более часа вместо положенных тридцати минут. Вся эта история обернулась для гостиницы потерей дохода, а для Алексея Полозова – выволочкой управляющего и штрафом аж в пятнадцать рублей – за недосмотр. Тогда ему особо было поставлено на вид требование недопустимости подобных инцидентов впредь, поскольку таковые порочат честь заведения.

Помятуя тот крайне неприятный случай, Алексей, несколько напрягшись, подошёл к полузадернутой портьере перед альковым и заглянул за нее. То, что он там увидел, потрясло его. На кровати навзничь лежал мужчина, но вовсе не пьяный, а залитый кровью и безусловно мёртвый. Мертвее некуда. На шее его зиял громадный разрез, глубокий и несколько приоткрытый, так что чернела трахея. Лицо представляло собой кровавое месиво, получившееся из-за множества резаных ран, хаотично нанесённых в разных направлениях; брови, нос, щёки, губы – всё было посечено длинными пересекающимися разрезами, невообразимо исказившими лицо убитого. И труп, и всё постельное бельё вокруг него были залиты кровью, правда, уже несколько подсохшей, местами впитавшейся в простыни.

Коридорный в ужасе отшатнулся. Нет, он был вовсе не робкого десятка, но вид растерзанного тела оказался не просто страшным, а мучительно-отталкивающим. Смотреть на зарезанного человека было крайне тяжело, а обилие крови и её специфический запах действовали на Полозова настолько угнетающе, что его замутило. Почувствовав, как к горлу подступает тяжёлый противный ком, и помимо воли шевелятся волосы на затылке, Алексей с воплем бросился вон из номера. Выскочив в коридор и яростно захлопнув за собой дверь злополучного третьего номера, Полозов почувствовал предательскую слабость в ногах. Привалившись спиной к стене, он постарался перевести дух и взять себя в руки, чтобы закрыть дверь на ключ, но ему не хватало воздуха, и содержимое желудка неодолимо просилось наружу. Ключ как назло не лез в замочную скважину, скользя в покрывшихся холодным потом руках.

Так и не сумев закрыть дверь номера на замок, Полозов, белый как мел, пробежал по коридору, добрался до лестницы и, прикрыв за собой стеклянную двустворчатую дверь в коридор второго этажа, закричал, перегнувшись через лестничные перила:

– Степан, Степан, срочно дворника! Где наш дворник?! Тут у нас такое!...

Эхо понесло сдавленный крик Алексея по всем пролётам широкой лестницы, разделенной на четыре марша между этажами. Внизу, там, где начиналась рубиновая ковровая дорожка, избегавшая до третьего этажа, показалась дородная фигура швейцара Степана. Задрав голову и придерживая фуражку рукой, чтоб не свалилась, Степан басовито спросил:

– Да что случилось-то?

– Убийство у нас! В третьем номере, – сбегая вниз по лестнице, задыхаясь от волнения, выкрикнул Алексей.

Конечно, это являлось нарушением предписания управляющего, требовавшего соблюдать спокойствие в любых обстоятельствах, но до спокойствия ли было теперь? И как бы сам управляющий повёл себя, если бы довелось ему оказаться на месте Полозова?

– Почему убийство? Может, сам кто помер? – спросил рассудительный швейцар, но коридорный только рукой махнул:

– Там вся кровать в кровищи, что ты! Где дворник? Надо бы послать его в околоток, за полицией. И управляющему доложить. Пётр Казимирович уже прибыл?

Началась суета, дурацкая беготня, поиски дворника, как назло исчезнувшегося как раз в ту минуту, когда в нём возникла нужда. Всполошились горничные и коридорные с других этажей, слышавшие крик Полозова. Сам Полозов, схватив дольку лимона в буфете – чтобы не мутило! – бросился на поиски управляющего. Коридорный прекрасно понимал, что ему не следует нарушать инструкцию о первичном докладе начальству обо всех происшествиях. Весть о страшном преступлении, произошедшем ночью в третьем номере второго этажа, вмиг облетела тихую обитель плотского порока и вырвала её из того дремотного состояния, в котором она пребывала в этот утренний час.

Не прошло и четверти часа, как в гостиницу примчался квартальный, а ещё спустя некоторое время подтянулась целая полицейская команда: помощник станового пристава Московской части Иван Данилович Гусев, урядник, два младших чина для охраны места преступления и полицейский врач, коему надлежало осмотреть труп. Следом должны были появиться сам пристав, прикомандированный к части чиновник для поручений, а также работники следственной части прокуратуры санкт-петербургского судебного округа.

Поднявшись на второй этаж в сопровождении ожидавшего их прибытия Полозова, так толком и не сдавшего смену дневному дежурному, полицейские сразу прошли в третий номер. Доктор не стал терять времени и приступил к осмотру трупа, в то время как полицейские занялись исследованием других вопросов, не связанных напрямую с осмотром места преступления: составили список отработавшей в ночь убийства гостиничной смены и попробовали хотя бы приблизительно определить количество человек, снимавших номера на втором этаже.

По процессуальным нормам осмотр места преступления, сопровождаемый составлением соответствующего протокола, должны были осуществлять чиновники прокуратуры. Поэтому вплоть до их появления полицейские не имели права менять там обстановку. Однако, при этом возникала определённая правовая коллизия или, говоря иначе, признаваемое законом противоречие. Дело в том, что в течение первых суток с момента установления факта совершения преступления полиция могла осуществлять розыск преступника по «горячим следам», то есть без должных санкций со стороны прокуратуры и вообще без согласовывая с нею своих действий. Полиция чрезвычайно дорожила этим правом и широко им пользовалась, тем более, что такого рода розыск давал зачастую прекрасный результат. Однако, розыск невозможно было вести, не изучив должным образом обстановку на месте преступления. Поэтому сотрудники столичной Сыскной полиции обычно начинали осмотр, не дожидаясь чиновников прокура-

туры. Это было всем известно и принималось как допустимое, хотя нельзя было не признать, что такого рода действия являлись отступлением от буквы закона.

Очень скоро к полицейским местной части присоединились два агента Сысской полиции. Это были толковые сыщики Агафон Порфирьевич Иванов и Владислав Андреевич Гаевский, служившие под началом знаменитого на весь Петербург создателя и начальника Сысской полиции Ивана Дмитриевича Путилина. Ждали и самого Путилина: подобное кровавое преступление в центре города следовало признать из ряда вон выходящим, и в таких случаях руководитель столичного уголовного сыска старался лично осмотреть место преступления и контролировать выбранное следствием направление розысков преступника.

Оперативность полицейских подразделений во многом объяснялась прекрасной связью. Все столичные полицейские части, числом тридцать восемь, к 1885 году уже были телефонизированы, благодаря чему получили прямую связь с Сысской и Речной полицией, пожарным депо и канцелярией градоначальника. Теперь о задержании полицией холерного больного градоначальник узнавал прежде врачей ближайшей больницы.

Первым делом явившиеся сыщики отправились взглянуть на труп; на их языке это называлось «познакомиться». Около убитого деловито возился полицейский доктор Сухоруков. Зарезанный мужчина лежал на кровати вверх лицом, раскинув руки и ноги. Поза его выглядела естественной и расслабленной, словно бы в момент нападения он спал. На ногах трупа были черные шелковые носки, чёрные широкие брюки расстёгнуты, но не сняты. Тонкая крахмальная сорочка, распахнутая до пупа, обнажала волосатую грудь и живот. Атласный, цвета топлёного молока жилет также оказался расстёгнут, и края его небрежно раздвинуты. Общий беспорядок в одежде наводил на мысль, будто погибший не успел завершить начатое раздевание, однако разбросанные в стороны руки вроде бы свидетельствовали о том, что в момент смерти он вовсе и не думал раздеваться. Вся одежда покойного и постель вокруг его тела выглядели буро-красными от запекшейся крови. Она уже успела подсохнуть и впитаться, образовав на ткани заскорузлую корку. О чертах лица погибшего ничего определённого сказать было нельзя из-за большого количества порезов в разных направлениях. С него требовалось сначала смыть кровь, и только после этого можно было попробовать реконструировать лицо. Судя по обильной седине в курчавых волосах и в коротко стриженной ухоженной бороде, а также по простирающейся на макушке лысине, мужчина был не молод, годам, эдак, к пятидесяти.

– Ну-с, доброе утро, доктор, – поприветствовал Сухорукова весельчак Гаевский. – А вы, поди, и не знали, чем сегодня заняться?

– Да, знаете ли, сидел в части, давился булочкой с маком и думал: хоть бы к висельнику какому вызвали. А тут всё гораздо интереснее: одним ударом и трахея перерезана, и сонная артерия, а уж с лицом что сделано...

– Продолжайте, вы так интересно рассказываете, – попросил Владислав, склоняясь над трупом.

– Разрез шеи, как вы можете видеть, имеет длину не менее шести дюймов и является безусловно смертельным. Нанесён одним ударом. На лице множественные порезы и колотые раны...

– То есть это была не бритва... – тут же заключил Гаевский.

– И не столовый нож со скруглённым кончиком. Это орудие именно с заточенным остриём: нож, кинжал.

– Что скажете о времени смерти? – спросил Агафон Иванов, осматривавший тем временем детали мужской одежды, разбросанные по комнате: пиджак, длинный тёмно-коричневый плащ, развязанную бабочку.

– Судя по тому, что челюстной отдел полностью окоченел, и окоченение спустилось к рукам, но не охватило ног, ну, а также оценивая температуру тела, я бы отнёс момент смерти к интервалу от пяти до восьми часов до нашего появления. То есть, жертва погибла после часа

ночи, но не позднее четырёх, – доктор вытащил из жилетного кармана часы на цепочке и взглянул на циферблат, сверяя с ним свои выводы. – Да, такая оценка представляется достоверной.

– Что скажете про возраст? – продолжал расспрашивать Иванов.

– Примерно сорок пять – пятьдесят лет.

Агафон, закончив осмотр одежды убитого, подвёл итог:

– Ни документов, ни записной книжки, ни визитных карточек. Только бумажник и вот ещё, носовые платки.

– А в бумажнике что? – любопытствовал Гаевский, ощупывавший карманы брюк.

– Шестьдесят пять рублей денег, отделение для карточек пусто. А у тебя что-нибудь интересное есть?

– Только испачканные кровью руки, – Гаевский зашёл за ширму, отгораживавшую умывальник, и принялся смывать кровь.

Ещё не так давно функцию умывальника исполнял простой комод с зеркалом над ним и спрятанными внутри кувшином и лоханью. Теперь же, после недавней реконструкции, в гостиницу были проведены водопровод и канализация, так что комод оказался заменён элегантной тумбой, в которую прятались подводные и отводные трубы. Всё это, конечно, было в высшей степени удобно и комфортно, но сыщики в данный момент как раз предпочли бы видеть старинную конструкцию «удобств», позволявшую судить о действиях обитателей номера.

Две пары толстых полотенец на латунных крючках рядом с умывальником оказались сухи и незапятнанны. Этих полотенец, по-видимому, вообще никто не касался. Очевидно, что убийца не пытался приводить себя здесь в порядок. Примостившийся за тумбой в углу ватер-клозет также выглядел чистым, сухим, без единого пятнышка.

На место Гаевского возле кровати заступил Агафон Иванов. Не довольствуясь простым визуальным осмотром, он немного подвигал тело из стороны в сторону, заглядывая, не лежит ли что-то под трупом. Ничего не увидев, он тоже направился к умывальнику отмыть запачканные кровью руки.

– Ну, конечно, в журнале регистрации, мы не найдем фамилии погибшего, – пробормотал он, дожидаясь, пока напарник уступит место.

– Ты сам всё знаешь, паспорта здесь никого не интересуют, – вздохнул Владислав. – Меня другое волнует: а где же дама? Он же был не один?

– Конечно, не один, – отозвался Иванов. – Когда станешь осматривать комнату, обрати внимание на столик.

Гаевский оставил альков и перешёл в ту часть номера, которая была названа его коллегой «комнатой». Он сразу понял, что имел в виду Иванов, предлагая обратить внимание на столик. Там стояли початые бутылки «Samartina», довольно дорогого красного вина, и шампанского «Roederer», тоже весьма недешёвого. Подле находились две пары фужеров – высоких, на тонкой ножке для шампанского и пониже, пузатеньких, – для вина. На одном из высоких фужеров был хорошо различим след ярко-красной губной помады. Владислав ещё рассматривал бутылки, как послышался голос Агафона:

– Посмотри-ка, возле постели стеариновые следы. Ты видел?

– Нет покуда, – Гаевский вернулся к кровати.

– Кто-то жёг свечку и закапал стеарином пол.

Действительно, сбоку кровати, ближе к изголовью на полу и на самой постели виднелось множество застывших капель стеарина. Кто-то долго держал здесь свечку.

– Как думаешь, сколько минут надо стоять со свечой в руках, чтобы так наследить? – любопытствовал Иванов.

– Минуты три точно, – заверил Гаевский. – В свободную минуту можешь устроить дома эксперимент. Полагаю, убийца что-то искал здесь. Обыскивал тело...

– Есть и другое объяснение, – тут же отозвался Иванов, – убийца был не один, а с компаньоном. Один убивал, а другой держал свечу. Причём, полагаю, в этом случае он должен был закапать стеарином свою одежду.

– Всё-таки, полагаю, имел место обыск трупа. Ты заметил, что у убитого отсутствуют часы?

– Не только часы. Колец тоже нет. Из ценных вещей только золотой нателный крестик.

– А сие означает, что преступник обыскивал тело, потому что...

– ... потому что часы носят в жилетном кармане, а жилетку погибший не снимал, – закончил мысль своего коллеги Агафон Иванов.

– А ещё это значит, что убийца не мог не запачкаться в крови. Даже если представить, будто ему удалось избежать попадания брызг крови при нанесении ран жертве – что маловероятно и чему я не верю! – всё равно убийца должен был испачкать руки, пока обшаривал мёртвое тело. Но он не мог покинуть гостиницу в таком виде. Что это может значить?

– Только то, что он где-то привёл себя в порядок.

– Но умывальником в этом номере не пользовались, поскольку полотенца остались неприкосновенны.

– Да, я это заметил, – кивнул Иванов. – Стало быть, убийца или убийцы пришёл из другого номера и в него же затем вернулся.

Сыщики некоторое время смотрели друг на друга. Каждый, видимо, мысленно проверил получившуюся причинно-следственную цепочку. Изъянов она вроде бы не имела.

– Что ж, пора звать коридорного... – подвёл итог Иванов и щёлкнул пальцами, привлекая внимание урядника, стоявшего в дверях. – Братец, коридорного пригласи-ка сюда.

Спустя минуту появился Алексей Полозов. Он выглядел собранным и серьёзным, сознающим важность момента.

– Ты, что ли, коридорный на этом этаже? – спросил его Гаевский.

– Так точно-с, я. Алексей Полозов, сын Данилов.

– Давно ли работаешь тут?

– Восемнадцатый год уже.

– Постоялец, – Иванов неопределенно махнул рукой в сторону кровати, на которой лежал убитый, – при тебе заселялся?

– Да-с, именно при мне. Я заступил вчера в девять часов вечера, а оне-с с дамочкой явились уже в двенадцатом часу, ближе к полуночи, – стараясь не смотреть на окровавленный труп, проговорил коридорный.

– Ты их знаешь? Прежде видел?

– Никак нет-с.

– Как-то они назвались?

– Да никак не назвались. А у нас в гостинице правило – документов мы не требуем. Иначе, сами понимаете, заведение придётся закрывать. Клиенты и клиентки. Этого человека я впервые видел, а дамочка мне тоже не знакома, но...

– Ну, Ломброзо, не томи, – подбодрил коридорного Гаевский, – говори, что хотел сказать.

– Дамочка... она... из ЭТИХ... Мы их сразу отличаем.

– Из «этих» – это которые за деньги? – уточнил Иванов.

– Так точно-с. Панельная или салонная сказать не могу, поскольку в билет не заглядывал. Да только не барышня и уж тем более не дама – это точно. Именно из этих... – он многозначительно округлил глаза.

– А кто же нашёл тело? – спросил Гаевский.

– Я и нашёл. За двадцать минут до девяти утра постучал в дверь, дабы разбудить. У них только до девяти было заплачено. У нас ведь знаете как бывает – просрочат время, а доплачи-

вать не хотят – прямо в скандал иной раз. Еще и в вину ставят, что не разбудили вовремя, вот я и пошёл. Стучу в дверь – никто не отзывается. Зашел. А он лежит...

– Больше в номере никого не было?

– Никак нет, господин...

– ...сыскной агент, – задумчиво подсказал Иванов. – А что же его спутница? куда же она делась?

– Ушла раньше.

– Сам вижу, что ушла, а не в дымоход вылетела. Во сколько же это было?

– Да примерно... часа в два ночи, – Алексей задумчиво поскрёб в затылке. – Уходя, сказала, что господин, дескать, заснули, а номер оплачен до девяти утра, ну, и чтоб, значит, его не тревожили.

– А вот ты, Алексей Данилович, скажи-ка мне, братец, – не унимался Иванов, которого насторожил факт раннего ухода проститутки, – разве это обычное дело, чтобы парочка, придя вместе, уходила порознь?

– Сие у нас не приветствуется. Потому как эксцессы возможны... Но бывает иногда, хотя, конечно, и нечасто. Мы в таких случаях всегда проверяем, всё ли в порядке с тем, кто остался. Знаете, чтоб не обворовали, не опоили, не убили, опять же...

– Вот и я о том же, – заинтересованно кивнул Иванов. Ему понравилось, что коридорный правильно понял направление его, Агафона Иванова, мыслей. – В этом случае ты тоже проверил?

– А как же! Именно так-с. Проверил. После её слов я сразу пошёл в номер. Сразу же пошел, клянусь, она ещё не успела даже на первый этаж спуститься. Зашёл, проверил – всё было в порядке. Господин лежал на кровати, сопел, пыхтел, я дыхание слышал его, клянусь! Я тихонько окликнул его – не надо ли, дескать, чего? А потом сам думаю, что же это я, дурак, делаю, он ведь просил не беспокоить. Ну, я тихонько и сдал назад, за дверь то есть.

– А полог, драпировка то бишь, был открыт полностью, или как сейчас, несколько задвинут? – уточнил Гаевский.

Коридорный на миг замолчал, припоминая.

– Кажется, был полностью открыт. Или нет? – в его голосе прозвучало сомнение. – Не отложилось у меня в памяти. Скорее всего отодвинут полностью.

– Но ты точно именно этого человека видел?

– Клянусь. Готов поклясться на любой иконе. Именно убитый спал. Живой и невредимый.

– А свет горел в комнате?

– Света не было, но света достаточно падало из коридора. Можете сами проверить. Я смотрел со стороны ног, к голове не подходил, поскольку незачем. Но черты лица узнать можно было.

– Дверь запер, уходя?

– Так точно-с. У меня ключ от всех дверей.

– А когда утром зашёл в номер, то дверь оказалась отпертой? – выпрашивал Гаевский.

– Никак нет, запертой. Своим же ключом открывал.

Сыскные агенты снова переглянулись. Коридорный рассказывал чрезвычайно ценные вещи.

– Ну, ладно, оставим это, – вмешался Иванов, – Расскажи-ка про девицу. Какая из себя?

– Я же говорю – гулящая за деньги. Видная, высокая, кр-р-расивая, волосы рыженькие. Сама, чувствуется, молоденькая, тоненькая. И смех такой...

– Какой?

– Ну, не знаю... мелкий. Хи-хи-хи, – Алексей попытался повторить девичий смех, но искусство пародии явно не было в числе его талантов; смех получился карикатурным.

– Узнать сможешь?

– Ну... думаю, если с близкого расстояния, как тогда, когда видел её, то да, смогу. В вуальке была и лицо прятала. Я ведь, знаете, минут через пятнадцать после их заселения заходил к ним, принёс ножи для фруктов и бокалы для вина, как господин заказал.

– И что же, она по-прежнему была в вуальке? – уточнил Агафон Иванов.

– Не могу знать. Разговаривала со мной из-за портьеры. Уж и не знаю, была ли она уже в постели или просто спряталась от глаз моих...

– Опиши подробнее. Высокая – это примерно какая?

Полозов подобрался, и, боясь что-нибудь напутать или упустить, стал припоминать, слегка шурясь и глядя куда-то вдаль.

– Думаю, два аршина десять-одиннадцать дюймов. Да. Мне она была вот так, – он показал рукой себе на бровь. – Кожа очень белая, чистая, не конопатая, румяна наложены сильно. Волосы рыжие... я бы даже сказал, оранжевого оттенка, слегка опущены на уши, выющиеся, пушистые.

– Подбородок как расположен: нормально? выдвинут вперёд или наоборот, сдвинут назад?

– Подбородок овальный, обычный, прикус нормальный.

– Уши как расположены: топорщатся? или прижаты к голове? мочка выражена? серёжка сильно мочку оттягивала?

– Нет, уши не топорщились, не лопоухая, значит. Мочка обычная, ни большая, ни маленькая.

– Козелок и противокозелок рассмотрел? – допытывался Иванов.

– А что это такое?

Агафон оттопырил собственное ухо и кратко объяснил коридорному названия отдельных элементов ушной раковины.

– Извините, господин сыскной агент, не рассмотрел я, – взмолился Полозов. – Я ж говорю, волосы как бы на уши находили, прикрывали верх ушей.

– Хорошо, а что с шеей? Длинная? короткая? складки на шее заметны?

– Шея длинная, да только женщина была в газовом шарфике, жёлтом.

– Глаза? – продолжал расспрашивать Агафон.

– Под вуалькой не очень можно было рассмотреть, но не тёмные, не черные – это точно. Может, серые или зеленые. Да, вот ещё: у рыженьких глаза часто бывают цвета испитого чая.

– Ямочки на щеках и подбородках? Мимические морщины? Родинки?

Сыщики довольно долго бились с коридорным, пытаясь узнать от него детали словесного портрета неизвестной женщины, да толком так ничего и не узнали. Описание примет, данное Полозовым, несмотря на всё старание коридорного, получалось всё же весьма общим, без каких-либо точных деталей, способных резко упростить поиск проститутки.

Уже в конце разговора с Алексеем в номер вошли только что подъехавшие чиновники следственной части прокуратуры: товарищ прокурора Павел Николаевич Грибанов, делопроизводитель и секретарь. Оставив коридорного беседовать с вновь прибывшими лицами, сыскные агенты вернулись в гостиную, явно озадаченные услышанным от Полозова.

– Странная какая-то проститутка, – пробормотал Гаевский, – даже полотенцем не пользовалась. Что же это означает: они плотской любовью вовсе и не занимались? Но ведь провели вместе пару часов – с полуночи до двух!

– Возможно, просто неряшливая женщина, – заметил Иванов. – Меня сейчас не полотенца беспокоят. Меня дверь закрытая смущает.

– Ну, гостиничному вору дверь не помеха.

– В том-то и дело! Загвоздка в том, что гостиничный вор не убивает жертву.

Та часть комнаты, что выполняла функцию гостиной, имела два высоких окна с лепными украшениями по углам потолка и в центре, вокруг люстры. Дубовый паркетный пол в центральной части покрывал круглый, яркой расцветки и совсем еще новый ковер. В простенке между окнами помещалось высокое зеркало, у основания которого примостился маленький столик красного дерева на гнутых ножках с фарфоровой статуэткой купальщицы. Возле стены располагался мягкий диван, а рядом с маленьким столиком в углу – пара кресел.

Внимание сыщиков привлекла фетровая мужская шляпа светло-серого цвета, брошенная на диван, и пара тонких лайковых перчаток подле неё. Рядом на кресле лежал элегантный тёмно-серый драповый пиджак в тонкую коричневую клеточку и белое шёлковое кашне. На столике, рядом с фарфоровой пепельницей Гаевский увидел очки в золотой тонкой оправе, массивное портмоне, уже осмотренное Ивановым, и два носовых платка тонкого батиста с ручным кружевом по краю.

– Обрати внимание, в углах платков вышивка гладью – буквы «К.К.», – подсказал Агафон своему напарнику, подсевшему к столику. – А в портмоне несколько маленьких карточек с голыми девицами.

Иванов уже успел осмотреть эти вещи и теперь по-хозяйски подталкивал Владислава к тому, что заслуживало внимания.

– Буквы «К.К.»... – задумался на секунду Гаевский, – А ты пальто осматривал? Может там какая метка вышита?

– Нет, куда не успел. Пойдём вместе поглядим.

Сыщики прошли в прихожую. У стены, возле входной двери стоял столик, на котором разместились графин со стаканом. За портьерной занавеской направо от входной двери располагалась вешалка. Там висело дорогое летнее мужское пальто из нежного кашемира. Хорошая, солидная вещь, пошитая явно на заказ из английского полотна, была достойна респектабельного состоятельного мужчины; такое пальто, не уронив своего достоинства, мог одеть и министр, и банкир, и просто богатый человек со вкусом. Под воротником находилась этикетка пошивочной мастерской «Корпус», а ниже аккуратно вышитые инициалы «К.К.». Под вешалкой стояли кожаные калоши; на их красной подкладке также были хорошо заметны инициалы «К. К.», выписанные карандашом. К стене подле вешалки прислонился чёрный дождевой зонтик с ручкой из слоновой кости. Иванов внимательно осмотрел зонт: никаких знаков или эмблем, способных указать на принадлежность определённому человеку, на нём не оказалось.

Рассматривая пальто, Гаевский извлёк из его внутреннего кармана портмоне и платок.

– Что же это получается, одно портмоне в комнате, другое – в кармане пальто? – задумчиво покрутив находку в руках, пробормотал Владислав.

Это была дорогая вещица из крашеной в рыжину свиной кожи, с аккуратными латунными уголками. Всё содержимое портмоне Владислав выложил на столик. Ни писем, ни записок, ни каких-либо квитанций, способных помочь в идентификации владельца. Из денег – шестьдесят рублей в кредитных билетах и два рубля мелочью.

– Обрати внимание, никаких предметов женской одежды, – негромко проговорил Иванов, – Рыженькая девица оказалась очень собранной и ничего не забыла в номере.

Сыскные агенты вернулись в ту часть номера, что служила гостиной, и продолжили осмотр мебели. У противоположной алькову стене находился массивный трёхстворчатый зеркальный шкаф: две двери закрывали плательное отделение, а третья – бельевое. Подойдя к шкафу, Гаевский потянул за ручки. Две двери, закрывавшие плательное отделение, открылись легко, показав совершенно пустое чрево шкафа. Третья же дверца оказалась запертой.

Иванов сделал знак помощнику пристава, стоявшему в дверях, чтобы тот вызвал коридорного. Когда Полозов вошёл, Иванов спросил его, разглядывая в зеркале шкафа свое отражение:

– Скажи-ка, голубчик, а почему бельевое отделение заперто?

– Здесь горничные белье держат, чтоб не носить каждый раз со склада. Для удобства-с. Здание большое, этажи длинные, перестилы следуют один за другим, так что белья на натащишься. Вот горничные и приспособились хранить чистое бельё прямо в номерах. Очень удобно. А бельевое отделение запирают – понятно, чтоб клиенты не растащили. С них же потом взыщется. И ключ у них. Позвать?

– Нет, не надо... – махнул рукой Иванов, переходя к столу, – Ты вот что скажи-ка, откуда столовые принадлежности?

На столе помимо бутылок шампанского и красного вина находились две пары бокалов, десертные тарелки, два ножа для фруктов. Тут же валялась и спираль кожуры, снятой с большого красного яблока, и обёрточная бумага, в которую, очевидно, была завёрнута коробка конфет. Сама коробка, опустошённая почти наполовину, тоже стояла на столе.

– Бутылку красного и коробку конфет клиенты с собою принесли. Меня попросили доставить из буфета еще бутылку шампанского, фрукты ну и посуду – бокалы, ножи для фруктов и тарелочки, – исчерпывающе пояснил Полозов.

Тут вмешался товарищ прокурора, прислушивавшийся к разговору сыского агента с коридорным:

– А скажи-ка, братец, как вообще проходит твое дежурство? – Грибанов повернулся к Полозову всем телом и впился в него немигающим взглядом. Должно быть, товарищ прокурора всерьёз полагал, что его жесткий взгляд способен развязывать языки лгунам, во всяком случае, в его поведении чувствовалось хорошая школа домашних драматических постановок. Вполне возможно, что Павел Николаевич ставил для своей маленькой дочки сказки братьев Гримм или Шарля Перро, и в таком случае Синяя Борода в его исполнении был по-настоящему ужасен.

Коридорный, впрочем, не являлся маленькой девочкой, поэтому особого ужаса или душевного трепета не испытал.

– Нахожусь в коридоре. Мой пост – стойка в начале коридора, у дверей на лестницу. Вы мимо неё проходили, – спокойно стал объяснять Полозов. – Моя задача – сопровождать клиентов в номера, следить за соблюдением условия найма – чтоб время, значит, не просрочили. Следить за порядком, чтоб горничные вовремя убирали и проветривали освободившиеся номера. У нас с этим строго! Ещё я принимаю заказы посетителей для буфета, если заказ простой – вино, десерт какой-нибудь. Если же заказ сложный – скажем, ужин, то вызываю официанта из ресторана, и уже он с ними общается. Ну, и вообще выполняю всяческие просьбы клиентов.

– Получается, что ты не можешь уследить за всеми, кто входит и выходит из номеров? – проницательно предположил товарищ прокурора.

Постановка вопроса, сама по себе уже обличающая Полозова, как будто бы даже поколебала коридорного:

– Уж извините, господин прокурор, уследить я именно, что МОГУ!

Ударение на слове «могу», сделанное упрямым коридорным, задело товарища прокурора:

– Как же так? Вот ты, братец, говоришь, «принимаю заказы для буфета». Значит, ты покидаешь свой пост?

– Ну-у... отхожу-то я совсем ненадолго, буквально на одну минуту. Буфет у нас на первом этаже, рядом с рестораном. Тут спуститься и вручить буфетчику листок с заказом – всего-то полминуты от силы! И то если медленным шагом, нога за ногу грести! Если кто и уходит, то всё равно со мной столкнётся на лестнице, да и потом, я выбираю такой момент, когда все посетители сидят по номерам, как мыши по закромам. Они ведь не по этажам слоняться сюда приходят, правда? У них дела поинтереснее есть. А если кто только приходит, то опять же,

без меня им все равно ни в один номер не зайти. Свободные закрыты на ключ, все ключи я запираю в специальном шкафчике, если должен отойти. А посетители в своих номерах тоже ведь запираются, изнутри. Так что у нас здесь всё под контролем, как в золотых кладовых госбанка. Да нам и инструкцией не запрещено отлучаться ненадолго. За номер клиент расплачивается внизу, у портье, когда только приходит, поэтому нет нужды караулить, чтобы не ушел, не расплатившись. Это раз. А во-вторых, публика у нас, я имею ввиду этот мой второй этаж, очень даже приличная, состоятельная, у шелупони разной на наши расценки денег не хватит! Номера дорогие, так что шаромыжникам всяким не по карману. Поэтому ожидать, что вынесут ковер или картину со стены, не приходится. Конечно, на всякий случай проверяем. Однако, убийство – первый раз за все годы, что я здесь служу.

– А долго ль служишь? – скептически поинтересовался товарищ прокурора.

– Да уж осьмнадцатый год, ваше превосходительство.

– Я не генерал, так что «вашим превосходительством» величать меня не следует, – поправил коридорного Грибанов. Он заметно смягчился, было видно, что бодрые и толковые ответы Полозова произвели на него благоприятное впечатление. – Ну, хорошо, братец, а черный ход где у вас? Как с ним обстоит дело?

– Он обычно заперт. За ним мы следим. Им пользуются исключительно наши работники.

– Покажешь потом, – пробормотал Гаевский, внимательно слушавший разговор товарища прокурора с коридорным. – Тогда скажи-ка, Полозов, а этой ночью кто-нибудь входил или выходил из этого номера?

– Н-нет, – пожал плечами Алексей. – Только я заходил, когда посуду им принес. Позже девица ушла, и я ещё раз зашел убедиться, что клиент в порядке. Я вам уже об этом рассказывал. И это все. До утра больше никого не было.

– А в буфет ты отлучался? Или по нужде?

– Все как обычно. Отлучался, конечно, да только это от силы на пару минут. Здесь зевать некогда. Будешь нерасторопен – не получишь чаевых. А мы здесь все ради чаевых работаем...

– А не было ли еще чего-нибудь необычного в эту ночь? Может, кто-то из постояльцев вёл себя странно, или ушел в одиночку?

– Только от того, что смертоубийство произошло, а так более ничего-с..., – мрачно отозвался Алексей.

– Да ты, я вижу шутник, – процедил Гаевский, – А как остальные номера? Все были заняты этой ночью?

– Да, в общем-то, хорошо были заняты, плотно, – кивнул коридорный. – У портье есть точные записи в журнале, по каждому номеру.

– Да, вот ещё что. Скажи-ка, водопровод подведен в каждый номер?

– На нашем и на третьем этаже – в каждый. И канализация тоже. Четвертый и пятый этажи без таких удобств, там номера дешёвые и публика соответствующая. Но туда отдельный вход – со двора, по другой лестнице. С нашими этажами сообщения нет никакого, даже двери на ту лестницу заколочены.

Гаевский подошёл к Иванову, молча сидевшему на корточках перед шкафом и не принимавшему участия в беседе с коридорным.

– Нашёл что-то? – спросил Владислав, но поскольку Агафон промолчал, присел рядом и проследил за его взглядом. На пыльном полу за ножками шкафа просматривался след волочения.

– Шкафчик-то, похоже, двигали, – озадаченный открытием, пробормотал Гаевский.

– Ага, – поддакнул Иванов, – вот и я о том же думаю. Давай-ка, что ли, и мы подвигаем!

Сыскные агенты живо вскочили, взялись за бока громоздкого гардероба и слегка отодвинули его от стены, буквально на ширину ладони.

Гаевский первым заглянул в получившуюся щель и пробормотал: «Матка бозка, как здесь интересно!»

На задней картонной стенке шкафа были хорошо заметны следы окровавленных пальцев, чёткие в одном месте и смазанные в другом. По крайней мере, дважды заляпанная кровью рука плотно прикладывалась к картону. Но даже не это открытие, при всей его важности, следовало считать главным: за шкафом в стене комнаты сыскной агент увидел закрытую дверь в соседнее помещение. Гаевский отступил в сторону, давая возможность Иванову занять его место, а тот в свою очередь не без удовлетворения хмыкнул:

– Теперь я знаю, как убийца попал в номер.

Через секунду шкаф уже был отодвинут от стены на аршин, а помощник прокурора, вооружившись лупой, принялся рассматривать кровавые следы на задней стенке шкафа.

– Что там? – спросил Гаевский у коридорного, указав на дверь в стене.

– Там находится второй номер. Второй и третий номера связаны дверью, – объяснил Полозов.

– Что ж ты молчал?! – накинулся на него Гаевский, но коридорный спокойно парировал:

– Так вы меня и не спрашивали. Спросили бы, я бы ответил. И потом – дверь закрыта, там даже ручки нет.

Действительно, в дверь был врезан замок, но поворотная ручка, с помощью которой можно было бы отжать подпружиненный язычок, отсутствовала.

– А второй номер был этой ночью занят?

– Так точно, – кивнул коридорный.

– Вот что, братец, подожди нас за дверью, – распорядился Гаевский, – и освободи для нас второй номер, если он занят. Мы туда сейчас сходим.

Оставшись без посторонних ушей, прокурорские чиновники и сыскные агенты сгрудились возле шкафа и скрытой за ним дверью.

– Так, так... Что же получается? – азартно бормотал Грибанов, машинально теребя подбородок, – убийца находится во втором номере, каким-то образом открывает дверь, отодвигает шкаф – и пожалуйста! – оказывается в номере, запертом на ключ! Жертва, по-видимому, спала...

– Жертва крепко спала, – поправил товарища прокурора Иванов, – потому что шкаф тяжёлый, его так просто не подвинешь! Наверняка, ножки по паркету заскрежетали. Однако, жертва даже не сделала попытки подняться с кровати.

– Надо обязательно проверить, не подмешано ли что-нибудь в вино, – весьма здраво заметил Владислав Гаевский. – Что-то уж больно подозрителен такой крепкий сон... Чтоб не услышать отодвигаемого шкафа, гм-гм... надо спать, как медведь зимою...

– Согласен, – кивнул товарищ прокурора, делая пометку карандашом в блокноте, – обязательно выпишем постановление о назначении химического исследования содержимого бутылок... Итак, убийца или убийцы подходят к ложу и убивают. Один наносит раны, другой – светит свечой. Там стеариновые потёки на полу, вы видели?

– Да, видели, – кивнул Гаевский. – А если принять во внимание, что сюда поодиночке никто не приходит, то всего вероятнее, что ножевые ранения наносит мужчина, а женщина – держит свечу. Логично?

– Но на всякий случай нужно будет уточнить у коридорного или у портье, что за пара занимала второй номер, вдруг всё же это были двое мужчин, которые, скажем, объяснили, что ждут своих подружек, которые должны вот-вот к ним присоединиться, – предположил Грибанов.

Пока товарищ прокурора обменивался глубокомысленными замечаниями с Гаевским, Агафон Иванов в полном молчании рассматривал дверь и замок. Казалось, он вовсе не слушал их рассуждения, будучи поглощён какими-то своими мыслями. Неожиданно для всех Иванов

извлёк из кармана своего просторного потасканного плаща складной немецкий нож с костяной ручкой. Отщелкнув недлинное узкое лезвие, сыскной агент вставил его в четырёхгранное отверстие от дверной ручки и повернул. Тихонько, почти совсем бесшумно, щёлкнул язычок и дверь неожиданно, безо всякого скрипа подалась внутрь второго номера. Полностью открыться ей помешала тяжёлая плюшевая драпировка с той стороны, поэтому, приоткрывшись примерно на ширину двух ладоней, дверь остановилась.

Вытащив нож из замка, Иванов задумчиво посмотрел на блеснувший в косых лучах света масляный след на лезвии.

– Вот так, господа, и никакого ключа не надо, – пробормотал негромко сыскной агент. – Самое примечательное состоит в том, что какой-то оче-чень предусмотрительный человек не поленился хорошенько смазать машинным маслом замок и петли.

2

Номер второй своим убранством был похож на первый, однако, отличался планировкой и набором мебели. В отличие от третьего номера здесь имелось всего одно окно, а вместо высокого зеркала стояло трехстворчатое трюмо. На полу, возле самой смежной двери, сыщики увидели несколько застывших капель стеарина, похожих на те, что они нашли возле кровати в третьем номере. Внимательно исследовав ковёр, всё пространство в алькове и прихожей, сыщики убедились, что нигде более стеариновых капель не оставлено. Это могло означать лишь то, что человек, ходивший со свечой, сразу же по возвращении в номер её задул.

Убедившись, что номер уже убран, сыскные агенты пригласили для беседы горничную. Это была женщина лет тридцати, в строгом тёмном платье, белом фартуке и белой же крахмальной косынке на волосах. Она выглядела очень встревоженной и во время разговора её беспокойные руки постоянно нервно сминали край фартука. Прасковья Егорова рассказала сыскным агентам, что уборку второго номера осуществляла дважды – в одиннадцать вечера накануне и незадолго до шести часов утра. В обоих случаях клиентов не видела: это вообще против правил, если горничная попадает на глаза гостям. Вторая пара, по словам Прасковьи, оставила после себя полотенца, запачканные красным – то ли кровью, то ли вином – определить на глаз не представлялось возможным. Горничная значения этому не придавала ввиду того, что клиенты пили красное вино, да и сами по себе кровавые следы совсем не редкость для дома свиданий.

– Ну, кровь... Эка невидаль! – без всяких затей объяснила Прасковья. – Да у нас через раз попадается пачканое бельё. Девушки, что собой зарабатывают, в любую пору клиентов принимают, даже когда природой не велено. Да и господа хороши, особо с женщинами не церемонятся – не своё же! А уж кровь на полотенце или вино – это иной раз и не разобрать, пятна одинаковые.

– А скажите, Прасковья, можно сейчас взглянуть на те испачканные полотенца? – полюбопытствовал Иванов.

– Да как же разберешь, те это или не те? Бельё всё одинаковое, всё в общие корзины сваливается. Их уже, поди, дворник прачкам нашим снёс. Но если хотите, можно взглянуть.

И горничная повела сыщиков в дальний конец коридора, туда, где рядом с чёрной лестницей помещался чулан для хозяйственных нужд. Однако, там сыскных агентов ожидало глубокое разочарование: корзины с бельём стояли пусты, что означало, что дворник сработал без проволочек.

– Эх, долго мы канителились, – вздохнул Гаевский. – Хотя, если по уму рассуждать, ничего бы это бельё нам не дало!

– Ну да, – не без скепсиса в голосе отозвался Иванов, – если не считать того, что в случае самопоранения убийцы он бы оставил след на полотенце. Мы бы определили размер раны и её местоположение... а в остальном, конечно, ничего.

– Это в том случае, если он действительно порезался, – в тон ему ответил Владислав. – Только мне кажется, что убийца, не забывающий смазать замок и дверные петли, не забудет купить и хороший нож с упором для руки. Это только истеричные барышни, да алкоголики с кухонными ножами убивать бросаются. А наш убийца не из таких...

Сыскные агенты отправились вниз, к портье, который хотя и закончил смену, но не уходил домой, дожидаясь допроса. Портье оказался худощавым мужчиной лет сорока пяти, с изрядной лысиной, маскируемой особым зачёсом остатков волос, и плутовским выражением блуждающих глаз. Звали его Егор Федорович Васильев и уже по первым произнесённым им фразам можно было заключить, что это человек ловкий и осторожный. Он услужливо продемонстрировал сыщикам кассовый журнал, куда были отмечены все поселения

в гостинице за истекшую ночь. Всего записей о найме номеров второго этажа оказалось двенадцать. Второй номер, в точном соответствии со словами горничной, был занят дважды: с 21.15 до 23.00 и потом с 1.30 ночи до 6.30 утра. Фамилии клиентов не указывались, регистрировалось только время пребывания в гостинице. В особой графе напротив каждого номера проставлялась сумма, уплаченная клиентом. В первом случае заплачено пять рублей, во втором – девять. Иванов вспомнил слова коридорного о минимальной ставке, которую должны были вносить даже те, кто задерживался в апартаментах менее трёх часов.

– Вы помните, как выглядели последние клиенты, заселённые во второй номер? – спросил у портье Иванов.

Васильев бодро заговорил как о чём-то вполне для себя ясном. Видимо, он уже проанализировал события минувшей ночи и сам для себя всё решил.

– Хорошо их запомнил. У нас к утру клиентов поменьше становится. Да и были они приметные. Мужчине где-то под сорок, может, чуть за сорок. Хорошо одет. Пальто светлое драповое, песочного цвета. Дорогое пальто, хорошее. Шляпа чуть темнее, фетровая, с коричневой атласной лентой. Бумажник... ммм... чёрный, из полированной кожи с каким-то тиснёным гербом. Ростом... ну, чуть повыше вот вас, – портье глазами указал на Гаевского, – Примерно на полдюйма.

– Значит, примерно два аршина девять вершков, – прикинул Иванов.

– Да-с, вероятно именно так. Лицо такое... необычное.

– И чем же оно необычное?

– Да как бы это сказать... строгое. У нас же тут иные такими падишахами себя держат, особенно купчики подгулявшие, с девицами... А этот... даже как будто невесел. Строг-с, одним словом. Гм, как будто бы не в дом свиданий явился, а к причастию встал, уж не сочтите такое сравнение фривольным. Да, вот ещё – трость у него была. То ли коричневое, то ли красное дерево, как правильно такой цвет называется... типа вишни... с массивной латунной ручкой в форме львиной головы. Красивая трость, и вероятно, тяжёлая.

– Ну, а еще что-нибудь? Детали лица запомнили: цвет глаз, волос, может, усы или борода? – выпрашивал Иванов.

– Глаза – светлые, серые, слегка навывкате. Блондин. Волосы слегка вьются, средней длины. Носогубная складка такая, – портье провёл пальцем от носа к краю губы, – заметная. Нос прямой, средний – не толстый и не тонкий. Без бороды и усов.

– Подбородок: выдающийся вперёд? скошенный назад? узкий? раздвоенный? с ямочкой?

– Без ямочки, овальный, гладко выбритый. Совершенно обычный, без выраженных особенностей.

Сыщики переглянулись не без скрытого удовлетворения. Портье давал очень даже неплохое описание внешности, что вселяло надежду на успех последующих розысков.

– А его дама? Тоже из девиц известного сорта? – полюбопытствовал Гаевский.

– Никак нет-с. Про даму я толком ничего не понял, но определённо она не из ЭТИХ, это точно. Она даже к стойке не подошла, стояла в сторонке.

– А как выглядела?

– Скромно, но не в смысле дешёво, а как бы неброско, что ли... Шляпка с вуалью, лицо бледное. Глаз я не видел, а губы свежие, пухлые, приятной формы. Росту невысокого, примерно два аршина и шесть дюймов. Да, пожалуй, так. Зонтик ещё у нее был.

– Молода девица-то?

– Ну, не старая, конечно, фигура такая... стройная. Я бы дал ей от двадцати пяти до тридцати лет.

– Одежду описать можете?

Васильев задумался, глядя куда-то мимо Гаевского, потом встрепенулся:

– Платье, такое... с голубым, поверх приталенный жакет насыщенного синего цвета... его можно даже назвать фиолетовым. Красивый цвет, фасон... хорошо сочетается с платьем. Так панельные «шкур» не одеваются! Шляпка с синими лентами. И вуаль тоже синяя. Сейчас, говорят, в Париже цветная вуаль – самый писк моды.

– Егор Фёдорович, вы очень ценные описания даёте, – похвалил свидетеля Иванов. – А узнать сможете мужчину или женщину?

– Честно признаюсь, что дамочку опознаю только в том случае, если она будет одета точно так же, – портье развёл руками. – А вот кавалера, пожалуй, опознать смогу без особых затруднений. Особенно, если на руки его взгляну и... и на портмоне.

– Что ж такого примечательного в его руках?

– А у меня, знаете ли, такая привычка – я руки почему-то хорошо запоминаю. А у него они были особенные: крупные, сильные, и форма ногтей редкая – ногти выпуклые, гладкие, продолговатые. Ногти обработанные, ухоженные. Кроме того, есть у него приметка: на ногте четвертого пальца правой руки чёрное пятно – видимо, прищемил когда-то. Либо прибил чем-то. Да, осмелюсь заметить... – портье несколько замялся и умолк.

– Продолжайте, Егор Фёдорович, – приободрил его Агафон.

– Уж не знаю, важно ли это или нет, да только пара эта ушла раньше времени. Заплатили они до половины седьмого утра, а ушли-то в пять с минутами.

Сыщики переглянулись. Портье сам того не зная, в точности подтверждал слова коридорного.

– А точнее?

– Четверть шестого было.

– А как они себя вели, когда уходили?

– Да как... обыкновенно. Песни не орали, на лестнице не падали, червонцы мне в руку не совали.

– А что, бывает, суют червонцы? – иронично взглянул на портье Иванов.

– Как же-с, бывает. Когда подгулявший купец головой ударит ступеньку, а я ему помогу подняться, так он сунет мне червончик. А то и поболее. На моей памяти раз пять-шесть купчины первой гильдии в ступеньки головами попадали. И даже с лестницы в пролёт падали.

– Может, уходившая парочка нервничала? – предположил Гаевский, возвращая разговор в интересующее сыщиков русло. – Может, какая размолвка у них вышла? Или даме было дурно, или, может, они спешили очень?

– Я понимаю, к чему вы клоните, – кивнул портье, – но нет, вроде бы ничего такого заметно не было. Уходили они обычно, не спешили, но вместе с тем и не мешкали. А по настроению, так как тут поймёшь? Признаюсь, я ожидал, что он начнет деньги свои назад требовать за неиспользованный час, обычно именно такие и требуют. Ан нет, не заикнулся. А дамочка так к моей стойке и не подошла, ждала его в сторонке, пока он ключи сдавал.

– Что ж, уже толк. А скажите-ка, Егор Фёдорович, вы часом не запомнили постояльцев из третьего номера? – спросил Гаевский. – Они пришли перед полуночью.

– Это того, кого убили? Запомнил, конечно. Мужчина был очень довольный, пребывал в предвкушении, всё девицу прихватывал за талию, за плечико. Она хихикала, его за рукав держала. Игрались, в общем. Вот эта девица как раз из тех, что за деньги.

– А раньше она здесь бывала?

– Я не видел. А так запомнил бы, конечно. Девица довольно высокая, ростом, эдак, два аршина десять дюймов, а то и того больше; огненно-рыжая, в вуальке, закрывавшей верхнюю часть лица.

– А что еще запомнил? – продолжал выпрашивать Гаевский.

– Нос... короткий, верхняя губа чуть вздернута, губы красиво очерченные, такие... смачные, поцеловать хочется, ярко накрашенные. Кожа хорошая, белая. Шейка нежная, шарфиком обёрнутая. Девушка, видать, молодая, не старше двадцати лет.

– Цвет глаз разглядели?

– Какой там, вуалетка же на глаза опущена!

– Ясно. Про уши что-то сказать сможете?

– Уши? – портё задумался, припоминая. – Ушей не помню, не видел, они, наверное, были причёской прикрыты. Зато серёжки помню дешёвенькие, серебряные, с эмалью.

– Как охарактеризуете сложение? субтильна? плотна телом? толста? сутула?

– Ничего такого, никаких крайностей. Хорошая женская фигура, богатая, бёдра хорошо обрисованы, талия узкая, думаю дамочка эта не рожала и даже беременна не была.

– Ну, то есть обычная женская фигура, нормальная, средняя... – уточнил Иванов.

– Можно сказать, что так.

– А одета была во что?

– Салоп лёгкий, темно-зелёный с салатowymi лентами и позумент золотистый по краю воротника и манжет. Шляпка жёлтая с черной вуалеткой.

– А скажите-ка, Егор Фёдорович, обе эти пары откуда явились? Пешком пришли или на извозчике приехали или, может, перед тем, как номер снять, в ресторане вашем ужинали?

– Нет, в нашем ресторане на первом этаже их точно не было, – заверил портё. – Они с улицы вошли, и те, и другие. Да вы швейцара нашего расспросите, Степана, он вам точнее скажет, как они прибыли.

Сыскные агенты вернулись на второй этаж, где на лестнице перед стеклянной дверью теснилась вся ночная смена персонала гостиницы. Людям было запрещено расходиться до тех пор, пока с каждым из них не поговорят полицейские или чины прокуратуры. Мера казалась негуманной, поскольку люди были утомлены бессонной ночью, а ожидание могло растянуться надолго, однако, по-своему оправданной: во время розыска по горячим следам полиция не могла тратить время на поиски разошедшихся по домам людей.

– Кто швейцар? – спросил Иванов, обращаясь к группе мужчин и женщин, расположившихся на лестничных ступенях и вдоль стен.

Крупный дюжий мужик лет тридцати с небольшим живо вскочил со ступеньки, на которой расслабленно дремал, и с трепетной готовностью встал навытяжку:

– Готов служить, ваши благородия!

– Называй нас сыскными агентами, а этого низкопоклонства не надо, – отмахнулся Агафон Иванов и, взяв швейцара за локоть, повёл его вниз, на первый этаж, подальше от посторонних ушей. – Скажи-ка, Степан, ты помнишь девушку из гулящих, которая с барином богатым перед полуночью пришла, а ушла одна около двух пополудни. Такая вся в зелёном была, с золотистым позументом по краю воротника и манжет, с вуалькой?

– ДолжОн помнить, – важно пробубнил Степан, – ведь ежели проходила, то должОн помнить.

И замолк.

– И что? – поторопил его Владислав Гаевский. – Помнишь или нет?

Швейцар замялся, откашлялся, переступил с ноги на ногу, поскрёб пятернёй в широком затылке, потом поднял умученные глаза:

– ДолжОн помнить, но... но не помню. Разрази меня гром! То есть, как они явились – помню. Такие весёлые были, барин зонтиком помахивал... А вот как мадама с позументом на воротнике уходила – не припоминается... Может, она с какими другими людьми перемешалась? У нас ведь после полуночи многие из ресторана разъезжаются, и не только парами, а целыми компаниями. А когда их выходит человек пять-шесть, поди разбери, кто из ресторана, кто – из номеров.

– Ну, ладно, Степан, оставим это, – вздохнул Иванов. – А вот скажи, может другую пару ты помнишь? Пришли в половине второго ночи, ушли в четверть шестого. Мужчина был одет в песочного цвета пальто, с тростью из красного дерева, дама – в тёмно-синем жакете, синее платье, шляпка с синей вуалькой, на проститутку не похожа. Подумай хорошенько, помнишь?

На этот вопрос швейцар ответил практически не раздумывая:

– Помню, а как же, под утро посетителей всегда меньше, а я со своего места не отлучался. Конечно, помню!

– А ты не запомнил лица этой дамы? Ну, так, чтоб смог узнать?

– Никак нет, господин сысканой агент. Прошли они быстро, она всё отворачивалась. Да я и не приглядывался. На кой мне?

– А что они сделали, когда вышли из гостиницы?

Степан замолчал на мгновение, припоминая, потом уверенно проговорил:

– Пошли пешком в сторону Знаменья. Извозчики, вон, видите, у нас здесь стоят, у самых, почитай, дверей, а они не стали брать извозчика, а пошли пешком.

– Ты уверен?

– Так точно-с! – заверил швейцар, – Уверен! Я тогда это ещё про себя отметил. У нас ведь как обычно? под утро господа уже все устанут от развлечений и им домой поскорее охота, на собственные перины. Ну, и, конечно, извозчик – это самое лучшее. Редко, кто пешком уходит.

Ещё до наступления полудня в гостинице появился Иван Дмитриевич Путилин, действительный тайный советник, создатель и руководитель столичной Сысканой полиции. За те семнадцать с половиной лет, что минули с момента организационного выделения уголовного розыска в самостоятельное подразделение, Путилин пережил взлёты и падения. Выходец из безродной семьи военнослужащего, Иван Дмитриевич за выдающийся личный вклад в дело борьбы с преступностью был удостоен потомственного дворянства и собрал внушительную коллекцию государственных наград как Российской Империи, так и других государств. Как и всякий успешный деятель, Путилин с течением времени нажил немалую свору недоброжелателей и откровенных завистников. Вынужденный выйти в отставку 1 февраля 1875 года, Путилин, казалось, закончил этим свою полицейскую карьеру, однако через некоторое время Монарх обратился к нему с личной просьбой вернуться на прежнюю должность начальника Сысканой полиции. И 3 июня 1878 года состоялось второе пришествие Ивана Дмитриевича на должность руководителя уголовного сыска столицы. К лету 1885 г. Путилин уже был действительным тайным советником, то есть имел второй чин в «Табели о рангах», обладал правом личного доклада Государю Императору, номинально не уступая в этом министрам и членам Государственного Совета. Никто в полицейском ведомстве ни до, ни после Ивана Дмитриевича Путилина не дослуживался до такого чина, разумеется, если не считать самого министра внутренних дел Империи. Посему карьерный рост Путилина иначе как феерическим нельзя было назвать; при всём том, Иван Дмитриевич сумел остаться человеком очень простым в общении, доступным и внимательным. Его профессиональная компетентность была непререкаема, а нравственный авторитет в полицейской среде не подвергался сомнению. Летом 1885 года пятидесятипятилетний Путилин уже был серьёзно болен, страдая от грудной жабы и подагрических болей, однако, он продолжал тщательно контролировать расследования тяжких преступлений и держал за правило лично выезжать на места убийств, дабы с самого начала представлять обстоятельства конкретных уголовных дел.

С Путилиным прибыл его личный врач, которого он всегда приглашал для осмотра трупов, не полагаясь на заключения штатных полицейских медиков. Деловито и кратко поприветствовав присутствовавших в третьем номере, Начальник Сысканой полиции сразу же прошёл к кровати, дабы взглянуть на жертву. Затем он огляделся в номере, с удивительной тщательностью осмотрел одежду погибшего, выслушал разъяснения товарища прокурора и помощника

пристава. После этого пригласил коридорного и портье, дабы лично поговорить с каждым. К моменту появления Иванова и Гаевского начальник Сыскной полиции уже уяснил основные моменты, связанные с трагическими событиями ночи и утра в гостинице, а потому он предложил всем старшим должностным лицам пройти в соседний номер и обсудить там сложившуюся ситуацию.

Согласно давно укоренившейся традиции летучее совещание начали с обсуждения особенностей травмирования жертвы. И сразу же мнения участников разделились. Товарищ прокурора Грибанов заявил, что многочисленные порезы лица, причинённые убийцей, указывают на непримиримый настрой злоумышленника и доказывают наличие у него мотива на почве личной неприязни.

– Убийца был крайне раздражён, наносил жертве неконтролируемые удары острым предметом, явившимся орудием убийства, по лицу, и это доказывает то, что он действовал в гневе, – резюмировал свой взгляд Грибанов.

На что Гаевский тут же возразил:

– Пока нет никаких указаний на то, что убийца и жертва были знакомы: они не сидели вместе в ресторане, не ругались на лестнице, во всяком случае, ни о чём таком мы пока не знаем. Нельзя исключать того, что поранения лица – лишь мистификация, призванная направить следствие по ложному пути. Убийца, возможно, вовсе не рассчитывал убивать жертву; возможно, планировалась брутальная гостиничная кража. Однако, жертва проснулась, возможно, обратилась с вопросом к вору. Что ему делать: бежать? За дверью, у лестницы – коридорный, внизу – портье, швейцар. Поднимется шум, бегущего, даже если он сумеет скрыться, хорошо запомнит множество народа. Посему следует удар ножом в горло, а затем – нанесение порезов лица.

– Гостиничный вор вряд ли станет убивать хозяина номера, – возразил товарищ прокурора. – Это просто несопоставимые по своей тяжести преступления. Одно дело – утянуть бумажник, совсем другое – резать спящего человека.

– Возможно, сейчас мы имеем дело с необычной гостиничной кражей, – поддержал своего напарника Агафон Иванов. – Мы не знаем, что именно похищено. Возможно, «приз» убийцы был много больше обычного бумажника. Всё случившееся здесь выглядит как хорошо подстроенная ловушка. Очень подозрительно в этой связи исчезновение девушки, с которой явился в дом свиданий погибший. Очень странен его крепкий сон. Я бы сказал: ненормально крепкий. Очень подозрительна дверь в стене, позволившая преступнику – а вернее преступникам – проникнуть в номер своей жертвы незаметно для коридорного.

– Это всё действительно довольно подозрительно, – согласился Грибанов, – но, как советовал старина Оккам, давайте не будем умножать числа сущностей сверх необходимого! Убийцей, или как вы справедливо уточнили – убийцами – оставлены в номере два кошелька: в одном лежали шестьдесят пять, а в другом – шестьдесят два рубля. Приличные деньги, господа. Я не могу представить себе гостиничного вора, оставляющего в номере сто двадцать с лишком рублей.

– Это тоже может быть манёвр, призванный сбить нас с толку, – буркнул Гаевский. – Мы ведь пока не знаем, что похищено. Вдруг в кармане убитого лежал бриллиант на сорок карат? Вдруг он носил конверт с казначейскими облигациями на пятьдесят тысяч рублей? Тогда сто двадцать рублей – просто пшик!

Путилин, убедившись, что спорщики никак не желают уступить друг другу, примирительно поднял руку, требуя тишины:

– Господа, все эти мудрствования пока выглядят совершенно бесплодными. Давайте определимся с порядком наших действий. Итак, начнём с личности погибшего. Что можно сказать о нём?

– Его личность пока не установлена. Составлена подробная опись вещей, принадлежавших покойному, готов вам её вручить, – проговорил товарищ прокурора. – Погибший, судя по всему, имел инициалы «К.К.».

– Очень хорошо, давайте опись, – кивнул Путилин. – Я вернусь на Гороховую и дам распоряжение провести во всех полицейских частях представление описи городским дворникам. Если наш «К.К.» – житель Санкт-Петербурга, то уже завтра мы будем знать его фамилию. Так, пойдём далее. Меня особо интересует направление движения второй пары, той самой, что покинула гостиницу в четверть шестого утра.

– Нам известно, что вышедши из дома свиданий, мужчина и женщина не воспользовались услугами извозчиков, стоявших подле здания, – доложил Иванов. – Парочка пешком двинулась в сторону Знаменской площади.

– Возможно, они умышленно не пожелали брать извозчика подле гостиницы, понимая, что мы постараемся проследить их путь, – предположил Путилин. – Извозчика без труда можно взять на площади. Вы, господа, вот что сделайте: побеседуйте с возницами, работающими на Знаменской площади, может, кто-то и подвозил нашу парочку. Да, кстати, есть описание их внешнего вида?

– Да, весьма хорошее, притом, – заверил Иванов.

– Вот и замечательно, вам, как говорится, и прикуп брать. А я со своей стороны постараюсь вам помочь, но пока не буду объяснять как...

Путилин сделал паузу, собираясь с мыслями.

– Далее, – продолжал начальник сыскной полиции, – мне очень интересна дамочка, в сопровождении которой погибший явился в гостиницу. Почему она ушла ранее? Если её уход планировался с самого начала, то для чего погибший брал номер на всю ночь? Хотел отоспаться? Ему – что, негде было поспать? На бродягу он не похож, наверняка, имеет свою квартиру. Но если её уход не планировался изначально, то он – этот уход – весьма напоминает бегство. Проститутка спешит покинуть номер, расчищая тем самым место для убийц... В общем, дамочка мне представляется весьма интересной, её надо искать. Что скажете на сей счёт?

Вопрос был адресован сыскным агентам. Те молча переглянулись. Отвечать взялся Гаевский:

– Описание дамочки самое общее. С одной стороны, свидетели говорят о её рыжих волосах, а поскольку рыженьких женщин всё же не так много, то это обнадёживает. Но что-то мне подсказывает, что наша «рыженькая» вовсе никакая не рыженькая, а просто стриженная женщина с париком на голове. Утешает то, что есть надежда на её опознание свидетелями.

– Ну, Владислав, я не буду учить вас тому, что делать, – кратко уронил Путилин.

– Так точно, ваше высокоблагородие, не надо. Обратимся во врачебно-полицейский комитет, «подёргаем» на опознания билетных проституток.

– Да, вы уж подёргайте, подёргайте, да поживее, давайте, – кивнул начальник Сыскной полиции.

– Беда в том, что наша «рыженькая» может быть безбилетной проституткой, – вздохнул товарищ прокурора. – Тогда от всех этих опознаний толку будет чуть.

– Совершенно справедливое замечание, – согласился Путилин. – Я даже более того скажу: наша «рыженькая» вовсе может не быть проституткой. Если она член банды, и её использовали лишь для того, чтобы заманить жертву в дом свиданий, то окажется, что мы вообще не там её ищем. Однако, сие обстоятельство вовсе не отменяет необходимости организации и проведения опознания нашими свидетелями проституток, получивших жёлтые билеты в Санкт-Петербурге. Понимаете меня?

– Разумеется, ваше высокоблагородие.

– Очень хорошо. Пойдём дальше: мне не совсем понятно, почему между номерами оказалась дверь? – продолжил Путилин. – Это что, нормальная для данного заведения практика – устраивать скрытые мебелью проходы в стенах?

Поскольку никто из присутствующих не взялся отвечать на этот вопрос, со стула поднялся помощник пристава («сидите!» – махнул ему Путилин):

– Ваше высокоблагородие, я задал этот же вопрос управляющему. Он объяснил происхождение дверей так: некоторые номера на втором и третьем этажах до ремонта были двухкомнатными. В ходе ремонта все номера сделали однокомнатными. Существовавшие межкомнатные двери закладывать кирпичом не стали, а просто закрыли замками и заставили мебелью.

– Пресловутые замки открываются перочинным ножиком или карандашом, – иронично заметил Агафон Иванов, – если их вставить вместо дверной ручки.

– И много здесь таких номеров? – уточнил Путилин.

– Управляющий сказал, что по два с каждой стороны коридоров на втором и третьем этажах.

– То есть восемь, – Путилин покачал головой. – Гм-гм, а давно ли был проведён ремонт?

– В 1878 году, ваше высокоблагородие.

– Семь лет назад, стало быть. Удивительно ещё, что подобных преступлений не бывало здесь ранее, – начальник Сыскной полиции даже фыркнул от негодования. – Что это за постановка дела такая? Это же идеальное место для работы гостиничного вора! Уважаемый Павел Николаевич, – Путилин повернулся к товарищу прокурора, – я прошу вас обязательно обратить внимание владельца гостиницы на недопустимость подобного небрежения безопасностью клиентов. Пусть в кратчайшие сроки накрепко заделает двери, хоть досками заколотит! Я обязательно доложу об обнаруженном упущении Градоначальнику, так что пусть владелец гостиницы ждёт в ближайшее время большую ревизию.

– Если вы позволите, я бы хотел ещё кое-что сообщить, – проговорил помощник пристава.

– Слушаю вас внимательно.

– Управляющий уверял меня, что ход на этаж со стороны чёрной лестницы совершенно недоступен для преступника. На двери чёрной лестницы действительно есть крюк, позволяющий закрывать её, но во время моего осмотра он оказался не накинут. Дверь, считай, стояла открытой. Допускаю, что в таком виде она простояла всю ночь. Я спросил у управляющего: «Почему же так случилось, ежели по вашим правилам она должна быть всё время заперта?» А он спокойненько мне ответил: «Может, из горничных кто выходил или дворник белье прачкам выносил...»

Несколько секунд присутствовавшие осмысливали услышанное.

– Просто чёрт знает что такое! – Путилин явно раздражился. – Вот тебе и строгие правила, вот тебе и хваленый порядок! Вся строгость тут касается только сбора денег!

– Я что-то подобное ожидал встретить, – пробурчал товарищ прокурора. – Где-нибудь в Европе, у педантичных немцев подобные отступления были бы нонсенсом, а для нас, для русского человека то есть, сия бесхозяйственность в порядке вещей! Инструкции составляют, дабы их нарушать, законы – дабы обходить, а порядок вещей – дабы его переиначивать.

– Да при чём тут русский человек? – досадливо махнул рукой Путилин. – Виноват в разгильдяйстве не «человек» вообще, а вполне конкретная личность. В данном случае управляющий. Это он должен входить во все мелочи, правильно организовать работу подчинённых и постоянно её контролировать. Ладно, я найду, как довести своё мнение о здешнем управляющем и господину градоначальнику и владельцу гостиницы. Если мы не примем мер, то из этого здания трупы придётся вывозить каждую неделю...

Путилин на минуту задумался, раздражённо забарабанил пальцами по столу.

– Вот что, скажите-ка мне, удалось найти окровавленные полотенца, которыми убийца вытирался после преступления? – неожиданно спросил он.

– Никак нет, Иван Дмитриевич, – вздохнул Агафон Иванов, – полотенца и постельное бельё, изъятые горничными из номеров второго этажа, уже ушли в общую стирку. Теперь не представляется возможным установить, из каких номеров были взяты те или иные тряпки.

– Плохо! – Путилин ткнул пальцем в стол перед собою, словно точку поставил. – Тогда, может, кто-то сумеет объяснить, почему в номере оказались два мужских бумажника? Только не говорите, будто один из них забыл заволновавшийся убийца – это будет и не смешно и глупо.

В комнате повисло молчание. Никто из присутствующих никаких разумных объяснений явно не имел.

Путилин вздохнул:

– Вот и я тоже не знаю. Это что-то означает, вот только хотелось бы знать, что именно!

Механизм следствия закрутился, подобно заведённому и хорошо отрегулированным часам.

Товарищ прокурора Грибанов составил протокол осмотра места преступления и задокументировал показания коридорного и портье. Это были первые допросы в рамках пока ещё не возбуждённого уголовного дела по факту обнаружения трупа неизвестного мужчины в гостинице «Знаменская». Впрочем, через несколько часов прокурор Петербургского судебного округа подписал постановление о возбуждении дела. В рамках начавшегося расследования Павел Николаевич Грибанов, назначенный следователем по этому делу, оформил постановления о назначении аутопсии – посмертного исследования трупа убитого – и судебно-химического исследования напитков, обнаруженных на месте преступления.

Труп неизвестного был отправлен в мертвецкую палату Александровской городской барачной больницы, расположенной в самом начале Миргородской улицы, где ему положено оставаться до захоронения. Аутопсия должна была быть произведена на следующий день в той же самой больнице силами трёх врачей-патологоанатомов полицейского ведомства.

Если деятельность следователя на данном этапе можно охарактеризовать как «бумажная» работа, то сыскным агентам пришлось потрудиться самым что ни на есть реальным образом – ногами. Необходимость отыскать следы постояльцев второго номера направила их вон из гостиницы

Понятное дело, что через минуту они оказались на Знаменской площади; прямо перед ними, на противоположной стороне площади, находился громадный Николаевский вокзал, справа – Знаменская церковь, а налево уходил Старый Невский проспект. Загадочная парочка имела четыре варианта пути из этой точки, и все они были равновероятны: неизвестные могли отправиться на вокзал и покинуть город на поезде; могли взять извозчика и уехать на нём; могли сесть в вагон конной железной дороги, начинавшей движение с пяти часов утра; наконец, неизвестные могли продолжить движение пешком в произвольном направлении.

Последний вариант сыскные агенты даже не стали рассматривать, поскольку не имелось ни единого шанса определить направление их пешеходного движения. А вот первые три предполагаемых маршрута следовало «отработать».

Начали сыскные агенты с вокзала, ибо проверка этого пути представлялась наиболее простой. После десятилетней реконструкции, законченной не так давно, в 1879 году, вокзал превратился в большой комплекс, куда помимо путей, депо, складов угля, жилых зданий для работников железной дороги вошли также ресторан, буфеты, большое багажное отделение. Были расширены залы ожидания и были переведены сюда, наконец, кассы, помещавшиеся до того сначала на Троицком проспекте, а затем на Большой Конюшенной улице. И теперь вокзал являлся громадным живым организмом, включавшим в себя целый мир самого разного люда – от служащих всех уровней и высокого железнодорожного начальства до вокзальных проституток и воров «на доверие». Охрана вокзалов и железных дорог возлагалась на осо-

бые жандармские команды, организованные и вооружённые по типу воинских подразделений, но при этом сохранявшие в своём арсенале чисто полицейские приёмы и методы работы. Жандармы изучали правила составления словесного портрета, приёмы задержания и допросов подозреваемых, личного досмотра и обыска, а потому было бы большой ошибкой считать этих людей обычными солдатами, привлечёнными к несению внутренней службы. Несмотря на некоторый антагонизм, легко объяснимый различной ведомственной принадлежностью, полиция и жандармерия в деле защиты правопорядка всегда приходили на помощь друг другу. По личному опыту сыскные агенты знали, что любое их деловое обращение к железнодорожным жандармам встретит со стороны руководства команды поддержку и понимание, поэтому полицейские направились к дежурному жандармскому офицеру, где получили исчерпывающую информацию обо всех поездах – пригородных и дальнего следования, – которые отправлялись с вокзала с 5.20 до 9 часов утра.. Потом в сопровождении жандарма сыщики стали обходить кассиров, контролеров, проверяющих билеты при входе на перрон, кондукторов пригородных поездов. Заглянули даже в буфет и ресторан. Некоторые служащие уже отправились по домам после ночной смены, список их был составлен с тем, чтобы опросить их завтра. Но из тех, кто еще продолжал свое дежурство, никто не мог вспомнить мужчину в светлом драповом пальто с тростью, сопровождавшего даму в синем.

– Ничего удивительного, господа сыщики, – проговорил устало дежурный, провожая полицейских к центральному входу вокзала. – Это они не от невнимания, поверьте. При таком мелькании лиц целыми днями у любого нормального человека накапливается... э... некая зрительная усталость.. Вот ежели б эта парочка в какую историю попала бы – ну, скандал там какой или случай из ряда вон выходящий – тогда, да, точно запомнили бы. А так... рядовые пассажиры, обычные, вели себя тихо...

Поскольку жандармский наряд, дежуривший по вокзалу минувшей ночью, уже сменился, сыщики оставили у командира команды описание внешности разыскиваемой парочки и попросили провести опрос подчинённых, дабы установить, не видел ли кто-либо из них людей, соответствующих указанным приметам. Командир обещал в течение суток лично опросить дежурную смену и к вечеру 8 августа дать ответ.

После этого сыскные агенты вернулись на Знаменскую площадь и направились на переговоры с извозчиками, а если точнее – со старостой артели, занимавшейся частным извозом и базировавшейся на площади. Рынок разнообразных частных услуг в столице только на первый взгляд мог показаться хаотичным и неконтролируемым; на самом же деле он строился на незыблемых и проверенных временем принципах землячества и корпоративной солидарности. Так, например, официантами в Санкт-Петербурге на протяжении многих десятилетий были преимущественно татары и вообще выходцы из Казани; строительные артели традиционно состояли из жителей северорусских губерний – Псковской либо Новгородской; частным же извозом промышляли выходцы из Центральной России – ярославцы, рязанцы, костромичи.

Отношения городской власти вообще и столичной полиции в частности с извозчиками складывались весьма непросто. От их услуг город никак не мог отказаться, но вместе с тем возницы, как и всякая корпорация, построенная по принципу земляческой общности, служили для города источником разнообразных проблем и хлопот.

Профессию извозчика с полным основанием можно было назвать рискованной и бесшабашной. Возниц часто грабили и убивали, поскольку эти люди всегда были при деньгах. Кроме того, извозчики постоянно заболевали разного рода заразными болезнями. В 1883 году в Санкт-Петербурге по настоянию известного медика профессора С. П. Боткина появились «холерные» экипажи, бесплатно развозившие людей по больницам; их появление как раз и объяснялось насущной необходимостью оградить столичных извозчиков от заразных больных. Дело в том, что ежегодно почти восемьсот мужчин, занимавшихся в столице частным извозом, заболевали

тяжёлыми инфекционными болезнями – чумой, холерой, дифтерией, туберкулёзом. Больные извозчики помимо воли превращались в разносчиков опаснейших заболеваний и потому делались опасными для горожан.

Но зачастую возницы становились опасны для окружающих вовсе не из-за того, что страдали инфекционной болезнью. Некоторые из них не брезговали грабежом своих пассажиров, причём грабежом, отягощённым убийством. Под видом извозчиков на протяжении всего девятнадцатого столетия в разных городах Российской Империи орудовали целые банды уличных грабителей. Поэтому городские власти всегда смотрели на людей этого промысла с известной толикой недоверия, видя в многочисленных, сплочённых и связанных круговой порукой извозчицких артелях элемент самостийно-стихийный, а потому опасный. Извозчики платили властям тем же, усматривая во всех нововведениях попытку ущемления своих прав и замаскированного ограбления.

Каждый извозчик получал в градоначальстве номерной жетон – большую латунную бляху, носимую на груди. Извозчицья артель платила в городскую казну ежегодный сбор по количеству полученных ею жетонов. Такой порядок рождал в среде лиц, занятых извозом, вполне объяснимый соблазн обмана, заключавшегося в том, чтобы получив меньшее число жетонов (и заплатив тем самым меньший сбор), выпустить на улицы большее число возниц. В больших артелях, объединявших в своих рядах десятки возчиков, под одним номером зачастую катались несколько человек. Полиция как могла, выявляла такие нарушения и сурово карала виновных, причём, в первую очередь страдали даже не непосредственные виновники, а артельные старшины, призванные добиваться безусловного выполнения законов в подчинённом им коллективе. Данное обстоятельство также в известной степени усиливало антагонизм между извозчиками и стражами правопорядка.

Понятно, что разговор с главой артели извозчиков, стоявших на Знаменской площади, не вызывал у сыскных агентов ни оптимизма, ни особых надежд. Разумеется, артельный старшина не мог отказать сыщикам в их совершенно законном желании знать маршрут следования интересовавшей их парочки, но никакого особого рвения помочь не выказал. Он вежливо выслушал Иванова и Гаевского, понимающе покивал в ответ и пообещал к «завтрашнему утру всё вызнать». Да только этим всё и ограничилось. Сыщики убеждали старшину отнестись к их просьбе ответственно, поскольку дело важное, связанное с убийством, да только уверенности в том, что он их услышал, ни у Иванова, ни у Гаевского так и не появилось.

Покончив с артельным старшиной, сыскные агенты решили перекусить. Уже шёл третий час пополудни, так что голод всюду давал себя знать. Да и мыслишками кой-какими обменяться пришло самое время. А тут еще ветер доносил манящие ароматы из близлежащей пекарни. Иванов махнул рукой в сторону Невского, где как раз на углу в подвальчике разместилась чайная, где можно было бы и кулебяки отведать, и пирогов с черникой. Приятели отправились туда скорым шагом.

Чайная, расположенная неподалёку от пересечения Лиговского и Невского проспектов, являлась местом хотя и простым по обстановке, но весьма популярным у разночинной и мастеровой публики благодаря отменной кухне и демократическим ценам. Сыщики, спустившись по ступенькам, вошли в душное полуподвальное помещение со сводчатым потолком, где у кипящих самоваров ели, пили, делились последними новостями и изливали душу под рюмку водки человек двадцать. Заняв отдельный столик в углу, подальше от чужих ушей, заказав рассольник и кулебяку, а также черничный расстегай и кисель на десерт, сыщики в первый раз за день вытянули ноги.

– Не получим мы от извозчиков никакого следа, – уверенно проговорил Иванов. – Если бы мы могли потратить на розыск хотя бы червонец, то может, они бы нам и сказали что-либо дельное. А так... – Агафон сокрушённо махнул рукой. – Потеряем мы на Знаменской площади след, ей-ей потеряем.

Владислав спорить с ним не стал, заговорил о другом:

– Нам надо разделить. Кто-то должен сбегать в Управление конной железной дороги, отыскать и поговорить с кондукторами утренних вагонов, а другому следует направиться во Врачебно-полицейский комитет.

– Я – на «конку», – вызвался Иванов. – По мне так лучше с народом разговаривать, чем бумажки перебирать.

– Хорошо, – не стал спорить Гаевский, – Тогда я отправлюсь к нашим венерологам, попробую составить список дамочек для опознания.

Принесли заказ. Аппетитно пахнущие блюда отвлекли на пару минут сыщиков, потом Иванов вернулся к своей недосказанной мысли.

– Ты один закопаешься в их картотеке. Обязательно привлеки в помощь кого-то из сотрудников комитета, желательно даже не одного, – посоветовал Иванов. – Если они станут отлынивать, то пригрози жалобой Путилину, скажи, что завтра утром должен отчитаться перед ним о результатах. Это подействует, уверяю, Ивана Дмитриевича они боятся как огня.

– Да знаю я. Что, по-твоему, я первый год работаю? – кивнул Гаевский, налегая на чай с пирогом. – Ты лучше скажи, что думаешь о нашем деле? Почему у убитого два кошелька?

– Не знаю, что и сказать. Мне кажется, что это свидетельствует о наличии у него денег.

– Ты знаешь, Агафон, как дипломатические курьеры перевозят почту?

– Откуда же мне это знать? Я никогда не возил дипломатическую почту...

– Работа эта всегда была весьма опасна, поскольку, сам понимаешь, многие хотели бы заглянуть в тайную переписку дипломата со своим министром. Хотя дипломатический курьер и имеет официальный статус и гарантии неприкосновенности, на него, тем не менее, регулярно совершают разного рода покушения, в основном для того, чтобы незаметно выкрасть почту, а затем также незаметно вернуть её на место. Разумеется, курьеры о такого рода поползновениях прекрасно осведомлены и для собственной безопасности принимают определённые меры. Существовало и даже поныне используется несколько основных приёмов перевозки диппочты. Согласно одному из них, так называемому правилу «двух портфелей», курьер везёт опечатанный портфель, в котором теоретически должна находиться корреспонденция, пустым. Послания он прячет в другом предмете багажа или даже в одежде. Одним словом, опечатанный портфель призван лишь отвлечь внимание похитителей.

– Можешь не продолжать, – остановил коллегу Агафон, – я понял, что именно ты хочешь сказать. Наш «К.К.» имел два кошелька потому, что один из них должен был скрыть факт существования другого.

– Именно. Скорее всего, убитый на людях пользовался тем бумажником, что лежал у него в кармане пальто: именно из него он доставал деньги, дабы заплатить за номер, за заказанное вино. А второй бумажник, в котором и лежала основная сумма денег, всё время оставался скрыт от глаз.

Агафон даже перестал жевать. Было видно, что мысль, высказанная Владиславом, ему понравилась.

– Но во втором бумажнике оказалось всего шестьдесят пять рублей, – продолжал между тем Гаевский, – из чего ты, Агафон Порфирьевич, сможешь сделать целых два важных вывода: первый тот, что убийца, забрав основную часть денег, умышленно оставил некоторую сумму, дабы скрыть факт хищения, а второй вывод – тот, что убийство в гостинице не было спонтанным. Мы имеем дело с хорошо спланированным и виртуозно исполненным заговором.

– А это нас выводит... – Иванов запнулся, пытаясь лучше сформулировать мысль, – это выводит нас на ближнее окружение убитого.

– Не факт. Сведения о нём могли попасть в распоряжение злоумышленников совершенно случайно. Скажем, от работника банкирской конторы, где убитый «К.К.» держал депозит.

– Э-э, нет! Ты, Владислав, меня не сбивай с панталыку! При чём здесь банкир? Банкир не может знать, когда я закрою депозит. Банкир не может знать, когда я принесу крупную сумму на пополнение счёта. Если я совершаю крупную сделку с недвижимостью, скажем, дом продаю, банкир этого тоже знать не будет. А то, что счёт открыт большой, так что ж с того? Я думаю, в Питере наберётся не один десяток тысяч человек, имеющих депозиты, скажем, более десяти тысяч рублей. Это всё-таки богатейший город Европы, если не мира. Я слышал, что только в Вене цены выше, чем у нас, а раз цены выше, значит и люди богаче, тут такое правило...

– Вы, батенька, как заправский экономист рассуждаете, – ухмыльнулся Гаевский. – Но в целом я разделяю эту точку зрения. Богатых людей у нас действительно очень много. Да только я о другом: не обязательно, что убийц вывел на жертву кто-то из его окружения.

– А я думаю, что обязательно. Это был кто-то из его близких знакомцев: любовница, деловой партнёр, возможно, кто-то из прислуги. Если он по домам свиданий таскался, стало быть, человек был... м-м... шепутной, сомнительных знакомств не боялся. Вот ему и подстроили... сомнительное знакомство.

– Ну-у, – Гаевский сделал неопределённый жест, как бы отменяя услышанное, – в любом случае разговор этот преждевременен. Надо сначала установить личность этого самого «К.К.», ещё лучше – и личность «рыженькой», покинувшей его в ночь убийства. Тогда и поглядим, кто из нас окажется прав.

Покончив с едой, запив кулебяку отменным крыжовниковым киселем, сыщики покинули уютный погребок.

– Эх, хорош нынче денек! Махнуть бы сейчас в Озерки! Моя кузина там дачу снимает – такая красота! Сосны, песок, а воздух такой, что не надышишься...

Он мечтательно зажмурился. «Точно кот на завалинке», – хохотнул про себя Иванов.

– Ну, брат, раскатал губу... Может тебе еще в Баден захочется или на Марциальные воды? Вернись на грешную землю. Твой путь лежит гораздо ближе – во Врачебно-полицейский комитет.

Сыщики разошлись в разные стороны: Агафон Иванов направился в Управление конной железной дороги, дабы поговорить с кондукторами и установить, не брали ли они на Знаменской площади рано утром парочку из второго номера, а Владислав Гаевский двинул во Врачебно-полицейский комитет, чтобы в его картотеке поискать проститутку, отвечавшую приметам «рыженькой» спутницы убитого.

3

Иван Дмитриевич Путилин вовсе не ради красного словца обещал своим подчинённым помощь. В силу специфики полицейской работы он не мог объяснить им, что же именно крылось за данным обещанием, однако, в глубине души он питал надежду на то, что помощь эта окажется вполне действенной.

Дело заключалось в том, что в ночь с шестого на седьмое августа отряд филеров столичной полиции, именуемый за скрытность своих действий «летучим», проводил в районах вокзалов масштабную операцию, призванную обнаружить трёх серьёзных международных мошенников. Поляки по национальности, говорившие с заметным акцентом, они намеревались порознь прибыть в Санкт-Петербург для проведения здесь ряда мошеннических сделок с очень дорогой столичной недвижимостью. Стало известно, что двое преступников предположительно придут из Эстляндии, но, по крайней мере, один человек придет из Твери. Поэтому Балтийский и Николаевский вокзалы уже с вечера 6 августа были взяты под плотную, но совершенно незаметную непосвящённым людям, полицейскую опеку.

Приметы мошенников были хорошо известны, причём инициатор задания особо подчеркнул высокую вероятность того, что преступники появятся в Санкт-Петербурге в сопровождении привлекательных женщин. А это означало, что все подобные пары должны были привлекать к себе повышенное внимание филеров. Иван Дмитриевич Путилин совершенно справедливо предположил, что вышедшие из гостиницы «Знаменская» в шестом часу утра обитатели второго номера вполне могли заинтересовать кого-то из сотрудников наружного наблюдения.

Поэтому в то самое время, когда Иванов и Гаевский разговаривали со старшиной извозчичьей артели, начальник Сыскной полиции попросил начальника «летучего» отряда подполковника Кторова безотлагательно привести к нему в кабинет всех филеров, задействованных минувшей ночью в наблюдении у Николаевского вокзала. Оказалось, что это было проще сказать, нежели сделать, поскольку филеры, отработавшие на ногах сутки, сейчас отдыхали. Тем не менее, по просьбе Путилина всех их разыскали и пригласили в Управление Сыскной полиции.

Филерский отряд в системе городской полиции стоял совершеннейшим особняком. Отчасти это объяснялось тем, что на начальном этапе своего существования это подразделение широко использовалось для ведения наружного наблюдения за политически неблагонадёжным контингентом, то есть филеры принимали участие не только в сыске уголовном, но и политическом. Поэтому даже когда политическая полиция обзавелась своим филерским подразделением и отказалась от использования в своих целях «летучего» отряда, последний всё равно остался мало кому известен. О филерах никогда не писали газеты, поскольку цензура ни под каким видом не допускала разглашения применяемых ими приёмов сбора информации, и можно сказать, что власть не признавала самого факта их существования.

Тем не менее, заслуги филеров, то есть полицейских, ориентированных на сбор сведений путём непосредственного наблюдения за подозреваемыми, в деле поддержания порядка переоценить просто невозможно. Пожалуй, только массовая перлюстрация, другими словами, перехват почтовых сообщений, давала полиции Российской Империи больше точной информации, чем филеры.

В четыре часа пополудни в кабинете Ивана Дмитриевича Путилина выстроились восемь человек в армяках, зипунах и старых шинелях без знаков отличия. Все они были без усов, бороды и каких-либо бросающихся отличительных примет. Филером мог стать лишь человек, не имевший физических дефектов и особых примет; кроме того, от сотрудника наружного наблюдения требовалась прекрасная память, как образная, так и цифровая, умение составлять

и хранить в памяти словесные портреты десятков разыскиваемых людей, абсолютное здоровье, профессиональное владение всеми видами личного оружия. Были и более специфические вещи, которыми должен был овладеть настоящий филер, например, умение безошибочного устного счёта в шестидесятеричной системе, что было совершенно необходимо для расчёта движения вагонов «конки» и железнодорожных поездов.

Путилин прошёл перед строем, вглядываясь в знакомые лица, полицейских, затем поприветствовал явившихся:

– Ну, здравствуйте, братцы...

– Здравия же-лаем, ваше высоко-благо-родие, – отчеканили филёры, заставив начальника Сысской полиции поморщиться.

– Не надо солдафонства, братцы, не люблю я этого. Мы ведь не в армии, давайте разговаривать как люди, – предложил Путилин, с укоризной взглянув на подполковника Кторова, словно тот был виноват в следовании подчинённых воинскому уставу. – Вопрос у меня к вам будет никак не связанный с вашим последним заданием, но... очень важный. Поэтому вы не спешите с ответом, подумайте хорошенько. Дело в следующем...

Путилин нарочито замолчал, добиваясь того, чтобы филеры прониклись сознанием важности сказанного. Иван Дмитриевич прошёлся по кабинету, затем, крутанувшись на каблуках, вернулся назад, к замершей шеренге.

– Сегодня утром, между пятью и половиной шестого часа, из гостиницы «Знаменская» вышла парочка – мужчина и женщина. Они прошли по Лиговскому проспекту в направлении Знаменской площади, так что кто-то из вас вполне мог их видеть. Приметы такие: мужчина лет сорока или несколько старше, без видимых особых примет, одет в драповое пальто песочного цвета, фетровую шляпу чуть темнее с коричневой лентой, держал в руках трость, возможно, вишнёвого дерева, то есть красного цвета. Трость имела массивную латунную рукоять в виде...

– ... львиной головы, – неожиданно добавил один из филеров.

Поскольку Путилин замолчал, полицейский сделал из строя шаг вперёд и представился:

– Головач Константин Михайлович. Наблюдал упомянутого вами господина в сопровождении дамы в тёмно-синей жакетке и синем платье, на голове дамы была шляпка с синей вуалькой.

– Что ж, Головач, молодец, – похвалил Путилин. – Рассказывай дальше: куда шли? что делали?

– Я занимал пост у Знаменской церкви, изображал нищего без ног, сидел в коляске с подогнутыми ногами, а из-под шинели торчали культи, подшитые к переднику – это реквизит наш такой...

– Ну-ну, понимаю, – улыбнулся Путилин, – секреты ремесла, можно сказать.

– Так точно, ваше высокоблагородие. В паре со мной работал Остожков, – филёр кивнул в сторону своего соседа слева (тот сразу вышел из строя и представился: «Остожков Пётр Петрович»). – Он был облачён в полицейский мундир и изображал помощника квартального. Он меня прикрывал на тот случай, если потребуется проверить подозрительную личность. По легенде я должен был останавливать всех подозрительных лиц, отвечающих полученному описанию, заводить с ними склоку, а Остожков под видом квартального должен был вмешиваться в скандал и задерживать подозрительных.

– Так, диспозиция понятна, – кивнул Путилин. – Итак, ты, Константин, сидел перед Знаменской церковью, изображая из себя безногого калеку.

– Примерно в пять часов двадцать минут от гостиницы «Знаменская» в мою сторону двинулись мужчина и женщина. Мужчина – блондин, высокого роста, одет богато, что вполне соответствовало полученному нами описанию польского мошенника. Я решил его проверить. Дождавшись момента, когда они приблизились, я двинулся наперерез, законючил: «Господин, подайте копеечку!» Мужчина сделал вид, будто меня не слышит и попытался пройти мимо,

мне же надо было услышать его голос. Нас особо предупреждали, что у поляка не только акцент имеется, но и заметный дефект речи – он «ш» не выговаривает. Поэтому я на своей тележке двинулся за ним, продолжая клянчить копейку. В конце концов, я схватил мужчину за рукав.

– Тростью по лбу не получил? – осведомился Путилин.

Начальник Сыскной полиции уже понял, что перед ним очень даже толковый филёр. Чтоб отсидеть на улице всю ночь в деревянной тележке с подогнутыми ногами, а поутру пристать к прохожему с идиотским – как того требовала легенда – вопросом, тут должно быть нечто большее, чем простое чувство долга, тут надо иметь соответствующий темперамент, закуску, если угодно, злость. Для этого надо быть сыщиком от Бога, а не за зарплату...

– Никак нет, ваше высокоблагородие, – улыбнувшись, ответил Головач, – Меня, вообще-то, довольно трудно ударить тростью.

– Почему это?

– А я сдачи всегда даю.

– Молодец, Константин, – Путилин похлопал филёра по плечу, – продолжай, что там было дальше?

– Схватил я его за рукав, значит. А он на меня тростью замахнулся и эдак как рыкнет: «Чтоб тебе, паршивец!» Ну, а мне-то надо услышать его нормальную речь, поэтому я не отстаю, следую за ним и всё хнычу: «Какой вы герой, на безногого нищего тростью замахиваться, дайте, господин, копеечку, дайте, а то не отстану!» Этому мужчине в песочном пальто уже и спутница его говорит, дай, дескать, калек денежку, пусть отвяжется...

– По имени она к нему не обратилась? – быстро уточнил Путилин.

– Никак нет, ваше высокоблагородие, иначе я бы запомнил.

– Хорошо, что было дальше?

– В общем, я за ним тянусь, хнычу, скандал устраиваю. Тут подтягивается Остожков, дабы замять, согласно выработанной легенде, возникшую склоку. Так что пусть далее вам Пётр Петрович доложит...

Путилин повернулся к стоящему подле Остожкову:

– Ну-с, Пётр Петрович, доложи, как было дело?

– Я увидел, что Головач уже достаточно «нагрузил» подозреваемого, тот и тростью на него замахивался, и вообще, видно, уже до каления дошёл. Я живо подскочил, назвался помощником квартального, всё как положено по легенде, спросил, имеет ли господин жалобы на действия нищего? Господин на чистейшем русском языке отвечает, что никаких жалоб у него нет. Я продолжаю тянуть свою волынку, дабы получше убедиться в том, что не ошибся, дескать, не желает ли господин пройти в околоток и «оформить субчика», Головача, то есть? Тот мне опять своё: претензий не имею, протоколов никаких не надо, ровным счётом ничего не случилось. Ну, я по говору-то слышу, что господин явно не наш «клиент», не тот, кого мы тут всю ночь сторожили. Говорит совсем без акцента и чисто, все буквы по-человечески выговаривает. Не поляк явно, хотя по приметам вполне подходит. Ну, и разошлись все мы с миром. Отвесил я Головачу подзатыльник для видимости, тот для видимости захныкал, поплевался, ну, а парочка эта пошла себе по Невскому. Я, встав на углу у церкви, имел возможность видеть и Невский проспект, и площадь.

– Так и ушли? – уточнил Путилин.

– Так и ушли, ваше высокоблагородие.

– Описать парочку можете?

– Так точно! – бодро заверил Остожков и в целом довольно верно повторил все те детали облика разыскиваемых, что были уже хорошо известны Путилину. Ничего нового в своём описании филёр не упомянул.

– Гм, понятно. Что-то ещё сказать можете? – спросили у него начальник Сыскной полиции.

– Разрешите дополнить, ваше высокоблагородие, – неожиданно подал голос Головач, – Мужчина в песочном пальто имел тросточку приметную.

– Интересно, продолжай. Что в ней было приметного? – оживился Путилин.

– Трость отменная, ваше высокоблагородие, на заказ деланная. Я таких раньше никогда не видел. Рукоять в виде львиной головы, грива такая роскошная выделана. Тонкое литье! Глазки маленькие из черного камня, такие, как бусинки, словно живые. Что за камень сказать точно не могу, сердолик или что... главное, что блестящий. Сверху, там где рука гривы касается, вся эта львиная голова блестит как отполированная, такого ярко-желтого цвета, хоть зайчики ею пускай. А вот под рукояткой орёл в кружочке – как на целковом, а под ним деревянная вставочка, а на ней буквы накладные, из латуни, как бы вделанные в тело самой трости...

– Ну-ка, ну-ка, – Путилин испытал радостное предвкушение близкого успеха, – скажи-ка, братец, нарисовать тросточку сможешь?

– Так точно.

– Садись к столу, вот тебе бумага, вот карандаш, – Путилин лично подал всё необходимое филёру, а сам уселся напротив. – Попробуй-ка изобразить.

Константин, вооружившись толстым карандашом, неожиданно ловко набросал эскиз трости, похоже изобразив и львиную голову с разинутой пастью и развивающейся гривой, с несколькими латунными кольцами ниже рукояти и металлическим наконечником.

– Ты где это, Константин, так ловко научился карандашом возить? – удивился Путилин.

– Я в детстве любил карты географические перерисовывать. Ну, вот нравились они мне, не знаю почему. Так руку и набил. А ежели карту географическую в точности воспроизвести можешь, то считай, что всё что угодно нарисуешь. Вот тут, пониже рукояти, эти самые накладные буквы, о которых я сказал. Буквы не наши, латиница, точно помню. Всего их было, наверное, пять-шесть-семь, не более, и среди них «Н» и «S», Буквы всё же мелковаты были, да и тростью мужчина двигал, так что особенно не присмотришься.

– Так-так-так, очень хорошо...

– И потом ещё...

– Продолжай! – Путилин просто не мог нарадоваться на толкового филера.

– Полагаю, что в трости был скрыт стилет, либо кинжал.

– Ага, это интересно. Почему так думаешь?

– Во-первых, трость эта заметно сужается книзу. Во-вторых, подумайте сами, как бы человек замахнулся обычной тростью? Он бы взялся за её тонкий кончик и взмахнул той частью, где львиная голова. Ведь по сути это настоящая булава, причём с металлическим шаром на конце, который не страшно повредить, ведь латунь не погнётся, не расколется. А этот господин замахнулся на меня именно тонким концом. Понятно, почему он так поступил: сжимая в руках рукоять, он моментально может превратить свою трость в колюще-режущее оружие.

– Ай да Константин, ай голова светлая! Хорошо соображаешь, – похвалил филёра Путилин и неожиданно спросил, – пойдёшь ко мне в сыскные агенты?

– Как так? – не понял филёр и как будто бы даже растерялся.

– Да очень просто. Сколько тебе лет?

– Тридцать, ваше высокоблагородие.

– Откуда родом?

– Архангелогородский я.

– Действительно где служил?

– На флоте, здесь же, в Питере, в роте обеспечения при Минных классах.

– Водку пьёшь?

– Ну, это как посмотреть...

– Ну да, у нас не пьют только староверы, да болезные на голову и то потому, что им не дают, а то бы пили непременно. У меня правило строгое: пить – пей, да разум не пропивай, – предупредил Путилин и взыскательно посмотрел в глаза собеседнику. – Пойдёшь служить в сыскные агенты?

– А начальство отпустит?

Путилин улыбнулся бесхитростному вопросу. Повернувшись к подполковнику Кторову, немо наблюдавшему за тем, как у него сманивают толкового сотрудника, Путилин вежливо поинтересовался:

– Виктор Леонидович, отпустите Константина Головача в Сыскную полицию служить?

Подполковник горестно вздохнул и покачал головой, словно бы говоря: «да кто ж меня спросит?» На самом деле он, разумеется, ничего такого не сказал, а только коротко кивнул:

– Константин Михайлович справится.

– Ну, вот и хорошо, – Путилин поднялся со стула, давая понять, что разговор окончен. – Жду тебя завтра, Константин Михайлович, к полудню в гражданском, фартук с кульками брать не надо, тебе он здесь не понадобится. Подходи прямо в мою приёмную, секретарь будет предупреждён, – и, повернувшись к остальным филерам, всё ещё стоявшим шеренгой поперёк кабинета, добавил, – благодарю за службу, господа агенты филерского обеспечения!

Врачебно-полицейский комитет при градоначальстве Санкт-Петербурга являлся органом, отслеживавшим соблюдение законодательства в части предоставления интимных услуг. Контроль за деятельностью «жриц любви» во второй половине девятнадцатого века был двойным: паспортным и медицинским. Женщины, желавшие заниматься промыслом на ниве разврата, должны были сдать паспорта и получить взамен особые документы, подтверждавшие их официально узаконенный статус проституток. Обительницы публичных домов имели на руках билеты жёлтого цвета, поэтому таковых женщин в просторечии называли «билетными» проститутками; те же, кто занимался древнейшей профессией индивидуально, получали вместо паспортов особые бланки, в силу чего их именовали «бланковыми» проститутками. Были, впрочем, и такие женщины, которые уклонялись от официальной регистрации и действовали на свой страх и риск без оформления билетов и бланков. Такая категория проституток называлась «комиссионерской», поскольку их сводники официально именовались «комиссионерами».

«Табель о проституции», принятый в 1861 году, довольно подробно регламентировал правила предоставления интимных услуг и нормы поведения проституток. И «жёлтобилетным», и «бланковым» девицам предписывалось еженедельно проходить медицинское освидетельствование, причём каждой из них надлежало иметь личные гинекологические инструменты. Это требование послужило источником большого числа разнообразных шуток и частушек, немало веселивших современников, но совершенно не смешных и не понятных вне исторического контекста. Медицинские осмотры отнюдь не были формальностью, врачи Врачебно-полицейского комитета очень ответственно подходили к контролю здоровья своих подопечных. Исторически, ещё со времён Императора Николая Первого, повелось так, что обязательные осмотры проституток в столице проводились в четырёх местах: в Калинкинской больнице для страдающих венерическими и кожными заболеваниями и в трёх специальных смотровых кабинетах, оборудованных в зданиях полицейских частей – Рождественской, Петербургской и Литейной.

Благодаря этому, в Санкт-Петербурге происходило одновременное и непрерывное накопление сведений о проститутках по двум независимым каналам: как через учёт в адресном столе «билетов» и «бланков» официальных проституток, так и через медицинские карты, заполняемые при еженедельных осмотрах. Понятно, что из поля зрения властей ускользали «комиссионерские» проститутки, но полиция деятельно боролась с ними, выслеживая и высылая их

из города в порядке административного наказания. Ежегодно такого рода высылкам на срок до четырёх лет подвергалось около трёхсот «нелегальных проституток».

Если спутница погибшего в «Знаменской» гостинице мужчины была «комиссионерской» проституткой, то шансы сыскных агентов отыскать её равнялись практически нулю. Но если эта женщина бьявлялась легализованной профессионалкой и состояла на учёте во Врачебно-полицейском комитете, то надежда выйти на её след становилась вполне даже осуществимой. Опыт такого рода розысков имелся у обоих агентов.

С технической точки зрения задача, стоявшая перед Владиславом Гаевским, не отличалась особой сложностью. Ему надо было просмотреть картотеку всех проституток, зарегистрированных в Санкт-Петербурге, как «желтобилетных», так и «бланковых», выписать тех из них, кто отвечал бы приметам рыжеволосой спутницы убитого, после чего, действуя через территориальные органы полиции, вызвать всех этих дамочек на опознание сотрудниками гостиницы. В теории всё это выглядело просто, как колумбово яйцо, но недаром на Руси во все времена говорили, что бесы прячутся в мелочах. В том, что предстояло Гаевскому, таких мелочей набиралось слишком много.

Во-первых, картотека Врачебно-полицейского комитета Санкт-Петербурга насчитывала более пятнадцать тысяч карточек зарегистрированных в городе проституток. Несложный арифметический подсчёт показывал, что если всю эту бумажную гору Гаевский с участием двух помощников возьмётся просматривать со скоростью хотя бы пять карточек в минуту, то такой просмотр мог бы затянуться примерно на шестнадцать часов непрерывной работы. Во-вторых, сыскному агенту следовало чётко определиться с теми критериями, руководствуясь которыми он собирался искать загадочную дамочку. Учётные карточки проституток содержали некоторые детали их облика, в частности, возраст, рост, цвет глаз, состояние кожи, телосложение, особые приметы. Что было известно Гаевскому о её приметах? Рост – два аршина десять дюймов, возможно, чуть больше; довольно высока, стало быть. Возраст, по словам портье, не более двадцати лет, ладно, если положить с запасом, то двадцать два года. Цвет глаз – неизвестен, на глазах была вуалька. Кожа вроде бы белая, чистая, насколько можно судить по шее и нижней части лица. Особые приметы – неизвестны. Сколько таких проституток в столице, молоденьких и с чистой кожей? В-третьих, существовала ещё одна важная для дела мелочь, а именно – указание на рыжие волосы, которыми обладала спутница погибшего. Хорошо, если она действительно рыжая, таких проституток в Питере будет не очень много. А если женщина была в парике? Стало быть, имеет короткие волосы, возможно, стрижена после инфекционной болезни. Значит, молодых да стриженных тоже надо помещать в список требующих предъявления к опознанию.

Владислав ехал во Врачебно-полицейский комитет и с холодком в груди представлял как объём предстоявшей ему работы, так и тот результат, который будет получен после её выполнения. Хорошо, если из пятнадцати тысяч питерских проституток он по нескольким чертам словесного портрета сумеет отобрать хотя бы одну тысячу потенциально подозреваемых (да больше их будет, больше!). Получившийся огромный список он пофамильно задикует по телефону во все те участки, где эти дамочки зарегистрированы. Полиция соберёт поименованных проституток в определённый день к назначенному часу и он, Владислав Гаевский, начнёт метаться по городу в компании с гостиничным портье и коридорным, показывая им этих женщин. Хорошо, если полицейские чины сработают точно и сумеют обеспечить поголовную явку всех названных женщин. А если нет? Значит, придётся приезжать в один и тот же участок и во второй раз, и в третий... И самое противное заключалось в том, что никакой гарантии конечного успеха вся эта работа не имела. Будет достаточно проглядеть всего одну карточку в картотеке Врачебно-полицейского комитета, и этот недосмотр превратит всю работу в бессмысленную суету... Вот такая она, правда жизни.

Не лежала у Владислава Гаевского душа к этой работе. Но он знал, что сделать её обязательно надо. И сделать непременно хорошо. Даже не потому, что за результат последует строгий спрос со стороны Путилина (хотя и по этой причине тоже). А прежде всего потому, что никакого другого реального выхода на загадочную рыжеволосую женщину у следствия просто не было.

Агафон Порфирьевич Иванов ничего не знал о том, что Путилин благодаря сообщению филера твёрдо установил следующее: парочка, вышедшая из второго номера не садилась в вагон конной железной дороги на Знаменской площади, а повернув с Лиговского проспекта, пешком двинулась по Невскому. Сообщение это делало совершенно бессмысленной поездку сыскного агента в Управление «конки», поскольку при всём своём желании он ничего выяснить там так и не смог бы.

Но ввиду отсутствия оперативной связи между Ивановым и его начальником, Агафон был вынужден потратить вечер седьмого августа на то, чтобы перехватить на кольце «конки» вагоновожатых и кондукторов, проезжавших ранним утром через Знаменскую площадь, и поговорить с каждым из них. Результат этих переговоров оказался нулевым: никто из работников «конки» так и не вспомнил интересовавшую сыскного агента парочку.

Впрочем, определённое внутреннее удовлетворение Агафон Порфирьевич всё же испытывал, поскольку теперь он был твёрдо уверен в том, что обитатели второго номера со второго этажа гостиницы «Знаменская» не садились в вагон «конки» на площади и, видимо, вообще утром седьмого августа не пользовались этим видом транспорта. Если бы в ту минуту сыщик узнал, что сделанное им открытие устарело и не является открытием, он бы, наверное, помянул крепким словом и собственную фортуна, и судьбу, и хитроумную парочку из гостиницы.

Но поскольку ничто не испортило Агафону Иванову настроение, то он успел к десяти часам вечера подъехать к зданию Врачебно-полицейского комитета, где принялся помогать своему напарнику Гаевскому проверять учётные карточки столичных проституток. Более часа сыскные агенты сидели, не разгибая спины, практически обложенные ящиками, точно солдаты за брустверами траншей, пока, наконец, в начале двенадцатого часа, Владислав Гаевский не скомандовал «На этом баста!»

Так прошли первые сутки с момента кровавого убийства в гостинице «Знаменская».

4

Утро восьмого августа 1885 года началось для сыскных агентов с почти ритуального посещения кабинета Путилина. Начальник уголовного сыска держал за правило каждое утро беседовать с сотрудниками, работавшими по делам, которые он курировал. Ввиду экстраординарности случившегося накануне в гостинице на Знаменке Иван Дмитриевич пригласил Иванова и Гаевского к себе первыми. Вопреки обыкновению, начальник Сыскной полиции не стал выслушивать сообщения агентов, а начал говорить сам.

– По убийству в «Знаменской» есть хорошая новость, – бодро начал Путилин. – Накануне, ближе к вечеру, пришло сообщение от некоего Коромыслова, дворника дома №60 по Литейному проспекту, о том, что один из жильцов его дома, а именно Кузьма Фёдорович Кузнецов, неожиданно пропал. По словам дворника, он ушёл в ночь с шестого на седьмое августа и как в воду канул. На инициалы пропавшего я ваше внимание обращать не буду, полагаю, вы уже сами обратили. Возраст Кузьмы Кузнецова подходящий – пятьдесят лет. Да и описание одежды, вроде бы, подходит: тёмное летнее кашемировое пальто, зонтик в руках, очки золотые. Возможно, это и есть наш убитый. Так что вам, господа, как говорится, и джокера в манжету. Первое и главное на сегодня задание: поехать на Литейный и разобраться, наш ли это «К.К». Если да, то начинайте должный опрос дворников, родных, соседей, всю его подноготную на свет тащите. Да что мне вас учить, сами знаете...

Сыщики согласно закивали, а Путилин, убедившись, что его правильно поняли, обстоятельно пересказал свою вчерашнюю встречу с сотрудниками «летучего» отряда филёрского обеспечения. Продемонстрировал эскиз трости, нарисованный Головачём, и кратко подвёл итог:

– Это, конечно, большое везение, что на Знаменке в ту ночь работали филёры, и надо обязательно постараться использовать благоприятное для нас стечение обстоятельств. Полученное описание трости, полагаю, сможет нам очень помочь. Но трость – это позже, сейчас главное – «отработать» сообщение дворника с Литейного. А теперь докладывайте, что раскопали за вчерашний день. Может, чем-то порадуете старика...

Иванов по праву старшего по возрасту, стал отвечать первый:

– Вчера мы с Владиславом пытались проследить путь парочки из второго номера. С этой целью отправились на Николаевский вокзал, обратились за содействием к тамошним жандармам, затем имели беседу с артельным старшиной извозчиков, работающих на площади. Наконец, я отправился в Управление конной железной дороги, где узнал фамилии вагоновожатых и кондукторов тех маршрутов «конки», что пересекали Знаменскую площадь с пяти часов утра до половины шестого. И всё это для того, чтобы узнать сегодня, что интересующая нас парочка спокойно миновала площадь и пешком отправилась по Невскому. В общем, Иван Дмитриевич, вся вторая половина вчерашнего дня улетела коту под хвост.

– Ничего, ничего, ты ведь не был осведомлён о филёрах на площади, правда? – успокоительно проговорил Путилин, похлопав Иванова по рукаву пиджака. – Всё было сделано правильно, этот труд нельзя считать напрасным.

– Да просто времени жалко, Иван Дмитриевич.

– А у тебя, Владислав, какие успехи? – осведомился начальник Сыскной полиции.

– Вместе с Агафоном посетил вокзал и поговорил с артельным старшиной. Затем мы разошлись, я направился во Врачебно-полицейский комитет. Там попытался составить список девиц, соответствующих приметам рыжеволосой спутницы погибшего. На сегодняшний день в Санкт-Петербурге учтены почти пятнадцать тысяч четыреста проституток, из них я при помощи двух работников комитета проверил почти девять тысяч. Выписал немногим

меньше трёхсот девиц, которых следует предъявить коридорному и портье. Честно скажу, шансы на опознание представляются мне не очень большими, но...

– ...но чем чёрт не шутит, – закончил его мысль Путилин. – Что ж, мне кажется, девицы подождут. В этом деле день-два ничего не решит. Сейчас бегом на Литейный, дом шестьдесят, а потом ко мне с отчётом.

Дом №60 по Литейному проспекту выглядел весьма внушительно для доходного дома: изысканно декорированный фасад, чугунный узорчатый козырек над парадным подъездом, добротные ворота во внутренний двор. Иванов и Гаевский явились по адресу в сопровождении урядника из ближайшего околотка, предварительно расспросив его о пропавшем Кузнецове. Околоточный мало что смог рассказать, потому как пропавший мужчина в поле зрения полиции прежде не попадал и ни в каких правонарушениях, дебошах или склоках замечен не был. Выправлял раз в три года паспорт, образ жизни имел непредвзятый, внимания к себе не привлекал. Что можно сказать о таком человеке?

Когда полицейские вошли в калитку в воротах, то увидели приоткрытую дверь дворничкой, выходявшей прямо под арку. Немолодой бородастый дворник возился с метлами и совком у порога.

– Ты что ли дворник будешь? – спросил у мужика Иванов.

– Так точно! – увидев, что мужчин в штатском сопровождает урядник, дворник принял во фронт, с очевидностью выказав тем самым своё солдатское прошлое. – Дворник Коромылов, Дементий Прохоров. Служу здесь уже седьмой год, – и, подумав немного, добавил, – беспорочно!

– Что же, Дементий Прохорович, стало быть, это ты сообщил о пропаже жильца?

– Так точно-с, я. Но только Кузьма Фёдорович не обычный жилец, он хозяин дома, его владелец. Сам занимал здесь лучшую квартиру. Видели, наверное, «фонарик» на углу? Это и есть его апартамент. В бельэтаже.

– И давно пропал Кузьма Фёдорович?

– Вечеру шестого августа и пропал. Ушёл с вечера, а днём горничная ихняя ко мне прибегает, говорит, мол, дочка его очень волнуется, плачет, за отца переживает. А я говорю ей – да мало ли... может, загулял человек или загостился. Но на сердце как-то тревожно стало. Ну, а вечером, когда господин квартальный дома обходил, то сказал, что из околотка запрос есть, не пропал ли кто из жильцов, из приличных, в возрасте. Тут я сразу и сообщил. На всякий случай.

– И что же, ни вчера вечером, ни сегодня утром Кузьма Фёдорович так и не объявился? – продолжал выпрашивать Иванов.

– Никак нет-с.

– А сейчас есть кто в квартире?

– Должно быть, прислуга.

Иванов и Гаевский решили разделить: Агафон отправился в домовую контору, располагавшуюся здесь же, в доме, во дворе-колодце, а Гаевский в сопровождении околоточного поднялся в квартиру пропавшего Кузнецова. Прежде всего сыщиков интересовало соблюдение паспортного режима лицами, фактически проживавшими в квартире – с этого начинались все полицейские действия на выезде. Ну и, разумеется, следовало познакомиться с прислугой и дочерью пропавшего человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.